

Вера
УСТЮГОВА

Жестокый
КАВКАЗ
ИСПОРЧЕННАЯ ЖЕНА

Вера Устюгова

Жестокий Кавказ.

Испорченная жена

<https://litres.ru/74254674>

Аннотация

Ради счастья я выбрала мужчину не нашей веры. Предала семью, променяла честь — все ради него... Чтобы в итоге остаться ни с чем.

Сказка обернулась адом. Любимый мужчина превратился в монстра, а тот, кого я когда-то бросила прямо перед свадьбой, оказался моим единственным спасением.

Обязательный ХЭ!

Подписка

Финал — май

Роман участвует в ярком и эмоциональном литмобе «Любовь горца» —

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	41
Глава 8	46
Глава 9	53
Глава 10	62
Глава 11	67
Глава 12	72
Глава 13	77
Глава 14	84
Глава 15	93
Глава 16	98
Глава 17	106
Глава 18	114
Глава 19	120
Глава 20	125
Глава 21	131
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Глава 1

Классическое петербургское кафе ничем не отличается от сотни таких же заведений. Хороший кофе, свежая выпечка и приятный аромат хлеба в воздухе, а за окном мягко падает снег.

Не такой, как у нас на Кавказе — там он колючий и яростный, а здесь крупный и пушистый. А еще завтра День всех влюбленных. Раньше я не праздновала ничего такого, но, переехав пять лет назад в Петербург, начала получать удовольствие от этих милых праздников.

На четырнадцатое февраля Юра дарил красные розы, как символ страсти между нами. На Восьмое марта я получала тюльпаны, а на день рождения — новый телефон.

Первые два года совместной жизни были похожи на ту самую сказку, которую я себе представляла, будучи еще дома, на Кавказе. Еще через год у нас родилась Анечка — малышка, которая внешне даже на каплю не похожа на меня, но в ней, несмотря на гадкие слова свекрови, я видела так много похожих черт.

Анечка...

— Еще кофе? — отвлекает от тяжелых мыслей официант.

— Да, спасибо, — растерянно киваю и позволяю парню в красном фартуке с эмблемой заведения долить классический черный кофе в мою чашку.

На чем я остановилась? Ах да...

Два года назад у нас родилась дочь, и казалось, что сказка будет длиться вечно. Юра носил меня на руках. Мы, наконец, купили свою квартиру и съехали от его родителей. Все было вроде неплохо, пока в один прекрасный вечер сказка не пошла по классическому сюжету, превратившись в кошмар.

Меня ведь предупреждали, говорили много раз, что Юра такой — легко зажигается и также легко теряет интерес. Он любит спасать принцесс из лап драконов, любит пускаться в приключения, и его любовь всегда должна быть связана с азартом.

Но когда у тебя дома жена с маленьким ребенком, когда никого больше не нужно спасать, азарт пропадает, и Юра отправляется на поиски новой принцессы.

Все произошло до ужаса банально — полгода назад его любовница сама мне написала, попросив подать на развод, а я не стала устраивать драму из измены.

В тот же вечер все честно рассказала Юре и думала, что мы мирно разойдемся.

Думала...

— Привет, принцесса, — раздается над ухом голос бывшего мужа, и я чувствую, как выпитый кофе начинает медленно подниматься вверх, грозясь выйти из меня прямо на пол этой милой кофейни.

Раньше его «принцесса» звучало ласково, а сейчас я с легкостью считываю насмешку в интонации некогда любимого

мужчины.

— Привет, — сухо здороваюсь с Юрой и отодвигаю от себя чашку, потому что даже один вид черного маслянистого напитка вызывает у меня тошноту.

— Извини, опоздал. Бизнес требует много времени, и у меня встреча через час в другой части города, так что давай побыстрее.

Юра когда-то работал начальником службы безопасности у моего брата, где мы с ним и познакомились, а сейчас у него собственная компания. Тот же профиль — охрана и информационная безопасность, но теперь он большой начальник.

Бизнес, построенный на деньги родителей, потому что после ухода от брата Юру особо никуда не брали, но сейчас он невероятно гордится собой и не забывает лишний раз упрекнуть меня, будто это я виновата в его увольнении пять лет назад.

— Когда я могу увидеть Аню? — перехожу к делу, потому что у меня тоже нет никакого желания сидеть здесь и выслушивать насмешки в свою сторону.

Юра без проблем согласился на развод: он переехал к своей любовнице, мы подали заявление и развелись в течение месяца. Квартира осталась у меня и дочери, каждый месяц на карту приходила внушительная сумма, потому что я была в декрете и не работала.

Все шло нормально, пока они не забрали у меня ребенка. Два месяца назад я, как обычно, отдала Анюту на выход-

ные папе, а в воскресенье получила СМС от свекрови, где она любезно сообщала, что они подают в суд и забирают у меня опеку над дочерью.

— Мама увезла ее в Сочи на две недели, — пожимает плечами Юра, — Позвони ей и договорись сама.

— Зачем ты так со мной? — не верю, что этот добрый, сильный и веселый Юра стал таким...

Он не спешит отвечать. В который раз усмехается надо мной, долго смотрит и с усталым вздохом откидывается на спинку стула.

— Все очень просто, Фатима. Я не позволю тебе воспитывать Аню, и она никогда не станет такой же, как ее мать.

— Это какой?

— Той, которую могут насильно выдать замуж, сделать второй женой или избивать за непослушание, потому что это норма для вас на Кавказе.

— Чушь! — взрываюсь моментально, — Ты знаешь, через что я прошла. Думаешь, я бы позволила Ане повторить мою участь?

Я отказалась от семьи, от карьеры и всех своих мечт ради этого мужчины. Я готова была остаться в Петербурге, хотя за пять лет не смогла по-настоящему полюбить этот город.

Думала, что Юра легкомысленный и влюбчивый, а я поторопилась, когда прыгнула в этот омут с головой. Но нет. За красивой улыбкой бывшего мужа прячется монстр, который показал свои зубы только сейчас.

— Жалеешь, что связалась со мной? — он словно читает мои мысли, — Наверное, думаешь, что лучше бы вышла тогда замуж за того, кого выбрала тебе твоя сумасшедшая мамаша?

— Когда я могу увидеть Аню?

Буду кричать, показывать свои эмоции — только развеселю зверя внутри него. Юра добивается этого, хочет увидеть очередное мое падение к его ногам.

— Я ведь все тебе дал, — продолжает он, — Сделал частью своей семьи, познакомил с родителями, привез сюда, а ты...

— Что? — выгибаю бровь, — А я отказалась терпеть твои измены?

— Ты не получишь дочь, Фатима. Ни на выходные, ни даже на день. Мама уже занялась этим вопросом. Лишить тебя родительских прав проще некуда.

Моя выдержка все-таки дает трещину.

— Ты не сможешь...

Родительские права забирают у алкоголиков, наркоманов, тех, кто подвергает своих детей систематическому насилию.

Никто не сможет забрать права у мамы, которая бесконечно любит своего ребенка.

— Почему? — еще одна усмешка, — Завтра тебя выкинут из съемной квартиры, а в понедельник уволят по статье. У тебя ни работы, ни денег, а еще к этому я добавлю девиантное поведение и издевательства над ребенком. Суд встанет

на мою сторону, Фатима, и Аню ты больше никогда не увидишь...

Делаю то, что категорически нельзя делать в этой ситуации, но нервная система не выдерживает, а рука сама дергается.

Хватаю свою чашку с еще горячим кофе и выплескиваю в довольное лицо Юры.

— Ты забыл, кто я? — встаю и нависаю над бывшим мужем, пока он пытается справиться с ожогом, — Я — Фатима Керимова. Хочешь идти в суд? Иди и проиграешь, а я сделаю все, чтобы забрать у вас Аню и увезти подальше.

1 часть цикла «Жестокий Кавказ» (каждый роман можно читать отдельно) — <https://litnet.com/shrt/p7P1>

— Выбирай. Или ты становишься моей женой...

— Или?

— Или улетаешь домой без сына. Ребенок останется здесь, со своей семьей.

— Ты в своем уме? Я — жена твоего младшего брата...

Мои мечты о тихой семейной жизни рассыпались в прах среди гор сурового Кавказа, куда я приехала, чтобы похоронить мужа.

Вместо счастья меня ждет жестокая борьба за сына и чужой мир со своими законами. А еще Арслан Керимов, кото-

рый привык, что все вокруг подчиняются его слову.

Однако в моих глазах он не увидит покорность. Там огонь — отчаянный и опасный, и в нем мы сгорим дотла.

Глава 2

Пять лет назад

— Мама, — с порога начинает Юра, пока я жмусь сзади и боюсь даже взглянуть на его родителей, — Познакомьтесь. Это моя Фатима.

— Кто?

— Как-как?

У Андрея Валентиновича и Ольга Дмитриевна, родителей Юры, примерно одинаковая реакция — они не верят в услышанное, в шоке и еще испытывают некую брезгливость, стоит только услышать мое имя.

— Фатима — младшая сестра Арслана и моя невеста, — упрямо повторяет Юра, выставляя меня вперед, — Мы проживем у вас какое-то время, пока я не найду работу?

Побег прямо во время поминок погибшего младшего брата, три дня в пути, потому что мы добирались на поезде, и совершенно чужой для меня мир.

Юра родом из Санкт-Петербурга, здесь у него живут родители и куча друзей еще со школьных времен, поэтому выбор города для переезда был очевиден.

Но я еще никогда не уезжала так далеко от дома — будто на Луну или другую планету. Настолько сильно ощущается расстояние от нашего аула до Северной столицы.

— Фатима, — передо мной появляется недовольное ли-

цо Ольги Дмитриевны, — Вы по-русски разговаривать хоть умеете?

— Мам!

— Здравствуйте, Ольга Дмитриевна, — отвечаю ей на идеальной русском без акцента, — Умею. Хотите покажу свой диплом о высшем образовании?

В бок резко кто-то тычет пальцем, и только позже я понимаю, что это Юра. А вечером он и вовсе делает мне замечание, чтобы была вежливее с его матерью.

Первые звоночки абьюза начинаются задолго до основных событий — ты списываешь их на усталость, волнение и миллион других причин. Монстр внутри Юры показывал свои когти с самого начала, просто я намертво приклеила на лицо розовые очки и не замечала, какой будет финал у этих отношений.

Пять лет спустя

Поднимаюсь в квартиру свекров с полной решимостью увидеть дочь. За две недели, пока Ольга Дмитриевна проводила время в Сочи с Аней, случилось ровно то, о чем говорил Юра.

Сначала меня уволили из частного детского центра, куда после долгих поисков удалось устроиться воспитателем группы выходного дня. Уволили по статье, со скандалом и кучей ложных обвинений: от рукоприкладства до воровства.

Сразу после, не дожидаясь понедельника, арендодатель студии на окраине, в которой я живу всего месяц, попросил

незамедлительно собрать свои вещи и выехать. Ему было все равно, что уже вечер и мне некуда идти. А еще этот жадный старик не вернул залог, разыграв сцену, что я нелегальный мигрант, и он вызовет полицию, обвинив меня в краже.

Следующие десять дней все мои отклики на вакансии воспитателя, нянечки, учителя на полставки, школьного психолога были отклонены. Я отправляла сопроводительные письма в такие места, где платили просто смешные для Петербурга деньги, но и они мне отказывали.

Удалось устроиться только в одно место — нелегально уборщицей в строительную фирму. Днем мыла полы, а после обеда подрабатывала курьером в пункте выдачи маркетплейса, и все это, чтобы снимать комнату в коммунальной квартире, куда меня тоже взяли без договора. Буквально на птичьих правах.

Итого: у меня есть работа и жилье, но все это не подходит, чтобы защищать себя в суде. Никто не отдаст ребенка уборщице из коммуналки, когда у истца отец — депутат Заксобрания, а мать — районный судья.

Квартира родителей Юры находится в любимом туристами районе — на Петроградке. Первое время я боялась выходить из дома — настолько здесь шумно и суетливо, что вестибулярный аппарат не справлялся с головокружением.

Даже сейчас, спустя пять лет жизни в Петербурге, я все еще чувствую себя неуютно в этом городе, но ради дочери нужно сжать зубы и действовать. В прошлую нашу встречу я

угрожала Юре связями моей семьи, но на деле последний раз мы разговаривали с братом пару лет назад, когда я делилась с ним и Таней, его женой, новостью о рождении Анечки, а с мамой... Кажется, с мамой мы не разговаривали, а ссорились, когда она избивала меня, узнав о тайной связи с Юрой.

У меня нет никаких связей, и семья никогда не простит за мой поступок, поэтому приходится натягивать на лицо вежливую улыбку и терпеливо ждать, когда бывшая свекровь соизволит открыть мне дверь.

— Ну, здравствуй, Фатима, — ее голос, как всегда, недружелюбный и с нотками брезгливости. Ничего не поменялось с нашей первой встречи.

— Здравствуйте, Ольга Дмитриевна, — немного вытягиваю шею и пытаюсь увидеть дочь, но, похоже, ее от меня тщательно прячут, — Я приехала, чтобы забрать Аню на выходные.

Опека над дочерью перешла Юре, но я еще не лишена родительских прав и имею полное право забирать ребенка к себе на выходные. Так постановил первый суд.

— Заберешь в следующие, — женщина ожидаемо начинает придумывать отговорки, — У Ани акклиматизация после Сочи. С утра приходил наш семейный педиатр и прописал ей постельный режим.

Она врет. Вижу по глазам, что врет, но если ворвусь в квартиру и насильно заберу дочь — Ольга Дмитриевна обязательно использует этот инцидент в суде, чтобы выставить

меня в плохом свете.

Передо мной еще одна ловушка, и свекровь даже с некоторым нетерпением ждет, когда я оступлюсь: начну повышать на нее голос, привлеку внимание соседей, которые потом в суде будут свидетельствовать против меня.

— Хорошо, — киваю и не перестаю улыбаться, — Тогда я посижу с ней у вас, — делаю первый шаг в квартиру, но тут же сталкиваюсь с препятствием в виде женщины.

— Не представляешь, как я рада, что вы развелись с Юрой. Мы с Андреем Валентиновичем даже шампанское открывали в тот день, чтобы отметить это событие. А теперь иди отсюда, Фатима, пока я не вызвала ментов и не устроила красивую сцену, которая очень понравится судье.

Глава 3

Чувство полной беспомощности не покидает меня остаток дня. Кажется, что это конец, меня связали по рукам и ногам, окружили и теперь наслаждаются моим падением.

Интересно, чего добивается Юра?

Мотивы его родителей понятны — они так и не смогли принять выбор сына. Ни после свадьбы, ни после рождения внучки. Кажется, с появлением Анечки их желание развести нас только усилилось, но с одним дополнением: освободить сына от «ужасного» брака и забрать ребенка себе на воспитание. И Ольга Дмитриевна особенно гордится тем, что чем старше становится Аня, тем больше она похожа на свою бабушку.

У меня даже возникает ощущение, что она принимает мою дочь за свою, потому что у свекров, кроме Юры, больше нет детей, а они очень хотели еще сына или дочь, но не получилось.

— Явилась? — встречает меня на пороге коммуналки соседка — пожилая женщина за семьдесят в протертом грязном халате и с остатками седых волос на голове, которые она как-то умудряется собрать в пучок.

— Можно мне пройти? — стараюсь говорить вежливо, потому что лишние конфликты мне не нужны.

Если органы опеки придут проверять условия моего жи-

лья, я не хочу, чтобы еще и соседи жаловались на меня.

— Сколько раз я должна тебе говорить, чтобы ты не готовила свой вонючий плов на общей кухне? — жалко, что у соседки другое настроение, и поскандалить она не против, — Понаехали в нашу страну, а мы теперь должны задыхаться от ваших специй?

Я не понаехала, я здесь родилась. С тем же красным паспортом, что и она.

А еще я не люблю плов — из национальной кухни предпочитаю сыры, супы и некоторую выпечку, поэтому «вонючий плов», как она сказала, готовил кто угодно, но не я.

Однако нет смысла спорить и что-то доказывать — у женщины нет ни семьи, ни кого-то, кто бы приходил и навещал ее. Она глубоко несчастна, одинока, а еще больна, судя по первичным признакам ментального расстройства.

— Вы правы, — начинаю подыгрывать, — Я уберу за собой посуду и проветрю коридоры, чтобы больше не пахло. И вот, — протягиваю ей коробку зефира в шоколаде, который купила по пути домой, — Это вам.

— Мне? — на лице женщины мгновенно появляется почти детское удивление вперемежку с восторгом, — На день рождения?

— Да, — с улыбкой киваю ей, — С праздником вас.

Старуха моментально успокаивается, полностью захваченная пачкой зефира в руках, а я быстро убегаю к себе в комнату, чтобы больше не давать ей поводов для криков.

Пусть хоть у кого-то сегодня будет праздник, пока моя собственная жизнь превращается в руины.

Переодеваюсь в домашний костюм, собираю копну густых волос крабиком и беру с собой пачку чая и оставшиеся уже засохшие пряники. Это, конечно, не мягкий свежий зефир, но тоже сойдет.

На кухне действительно кто-то готовил с большим количеством специй — понимаю это, как только захожу в большое помещение и морщусь от резкого запаха. За пять лет в Петербурге я отвыкла от восточной еды. Юра ненавидел наши блюда, поэтому мне пришлось научиться идеально готовить борщ, сырники, паровые котлеты и еще много чего.

Только сейчас осознаю, как ловко бывший муж дрессировал меня под себя.

— Привет, соседка, — пока я возилась с большим деревянным окном, чтобы открыть его и впустить свежий воздух, на кухне появилась Зоя из комнаты напротив моей.

Зоя...

У нее странная, я бы даже сказала, сомнительная репутация — каждый раз девушка приводит к себе нового мужчину, но ведет себя тихо и приветливо.

— Привет, — улыбаюсь и ей, но получается вымученно. Как бы я ни храбрилась ради дочери, нервная система с трудом выдерживает свалившиеся испытания.

— Что, бабка опять обвиняла тебя во всех смертных гре-

хах?

На столе рядом с моими несчастными пряниками появляются весьма аппетитный шоколадный торт, свежий батон, а еще банка икры, которая выглядит на обшарпанной кухне коммуналки диковинно.

— Она просто больна, — пожимаю плечами и наливаю в чайник больше воды, чтобы хватило на нас двоих, — Будешь чай?

У Зои икра и торт, а у меня дешевый пакетированный чай, но соседка утвердительно кивает и принимается за бутерброды.

— С тебя заварка, с меня икра, — хихикает девушка, намазывая сливочное масло на батон, — Это мне хахаль бывший подогнал. Привез из Владивостока. У них там икра копейки стоит, не то что у нас.

Усмехаюсь ее искреннему веселью, разливаю кипяток с заваркой по чашкам и ставлю на стол. Обычно в это время здесь толпа соседей — каждый пытается организовать себе ужин, но сегодня только мы с Зоей.

— Итак, — в глазах соседки появляется неприкрытое любопытство, — Как такую красивую кавказскую принцессу занесло в наш притон?

Я не была настолько критична в оценке коммунальной квартиры, где живу, но Зоя в чем-то права — это место выглядит уныло.

— Моих накоплений хватило только на это, — с удоволь-

ствием отправляю в рот хлеб с маслом и икрой и мысленно улетаю от этого божественного сочетания.

После каши с утра икра взрывается миллиардом вкусов в моем рту, а вместе с горячим чаем в теле разливается приятное тепло.

— Развелась?

— Да.

Не вижу смысла скрывать правду, как и то, что бывший муж пытается навсегда забрать у меня дочь. Рассказываю Зое про измену Юры, про то, как он притворился после развода и как подло украл у меня Анечку.

Ни икра, ни чай больше не лезут в горло, когда в голове проносятся воспоминания сегодняшнего утра и моего позорного поражения перед квартирой свекров.

— Да уж, подруга... — Зоя и не пытается скрыть свой шок, — Ты встряла знатно и дочку больше не увидишь, если не поменяешь тактику.

— Как это?

— Мы тут с Павликом, хозяином квартиры, недавно обсуждали тебя, — без тени смущения говорит соседка, — Так вот я подсмотрела на фотке твоего паспорта фамилию и на всякий случай загуглила ее. Не обижайся, но ты тут первая, кто настолько загадочно ведет себя. Даже узбеки, которые жили до тебя, и договор оформляли, и все справки оперативно приносили, а ты...

— Если я заключу договор на аренду комнаты, завтра же

свекры узнают об этом и сделают все, чтобы Павел выгнал меня. Им так легче будет выиграть суд.

— Они не выиграют, если ты прекратишь строить из себя благородную девчонку. Не пытайся даже вести переговоры с такими людьми, Фатима, — в голосе Зоя столько решительности, что мне стоит поучиться у нее, — Ты же сестра Арслана Керимова? Того богача с Кавказа?

— Да, — киваю, — Мой брат владеет добывающей компанией у нас на родине.

— То есть у твоей семьи куча бабок, а ты сидишь тут и еще смеешь переживать, что у тебя дочь отберут?!

— Я пять лет не общалась с братом, когда сбежала из дома...

— Он — тиран?

— Нет-нет! — аж выпучиваю глаза от этих слов, — Он хороший, просто был против моего брака с Юрой. А когда я послушалась и сбежала, мы прекратили общение.

Точнее общение прекратила я, потому что Таня все эти годы не переставала писать и звонить мне, а брат... Мне очень стыдно перед Арсланом, ведь в итоге он оказался прав.

— Тогда план такой, — Зоя с предвкушением хлопает в ладоши и за секунду находит на большой кухне лист с ручкой, начиная рисовать мне какие-то схемы, — Ты миришься с братом, просишь у него бабок и нанимаешь себе хорошего адвоката, — тараторит соседка, — Следом покупаешь хату в самом лучшем районе Питера. Обязательно, чтобы ря-

дом была школа и детский сад — органы опеки такое любят. И выходишь замуж за кого-нибудь у себя на Кавказе. Тогда у тебя будут и бабки, и квартира, и полноценная семья. Ни один суд не заберет у такой матери опеку. Это я тебе как юрист с неоконченным высшим говорю.

— С браком ты торопишься, — качаю головой, — Никто на Кавказе ни за что не возьмет меня в жены, зная мою репутацию. Там я испорченная, неподходящая. Такие, как я, хуже... — запинаясь на последнем слове и виновато смотрю на девушку.

Ох уж эта черта говорить все прямо...

— Фатима! — хорошо, что Зоя не принимает мои слова на свой счет, — Ты — наследница большого состояния. Ты — настоящая кавказская принцесса... Нет, царица! Не смей прогибаться под обстоятельствами и под мужиков, которые тебя не заслуживают. Звони брату и действуй на опережение.

Дорогие читатели!

Еще больше кавказских историй любви ждут вас в нашем литмобе с красивым названием «Любовь горца»: <https://litnet.com/shrt/xg-b>

Глава 4

Действовать не опережение — слова Зои впечатываются в голову, однако реальность кардинально меняет мои планы.

Утро следующей дня начинается с адской головной боли, озноба, стоит только раскутаться, и размазанной картинке перед глазами. Задергиваю шторы, которые не задернула вчера вечером перед сном, залезаю обратно под одеяло и пытаюсь справиться с дрожью в теле — холодно так, что у меня от напряжения болят челюсти и зубы.

Не надо было ходить без шапки. Погода в Петербурге обманчиво ласковая — кажется, что тепло, но на деле легкий ветерок способен свалить тебя с ног.

Долго ворочаюсь, пытаюсь уснуть и даже получается, но, когда сознание вот-вот погрузится в долгожданный отдых, мне звонят.

Настойчиво, громко, нервируя вибрацией.

Вскакиваю, скидываю с себя одеяло и отвечаю на звонок, толком не посмотрев, кто это.

— Здравствуй, Фатима — голос Юры, как погода в Петербурге — такой же обманчиво ласковый, словно он звонит сказать мне что-то хорошее.

— Здравствуй, — а вот мой похож на голос стандартного алкоголика: сиплый, тихий и неприятный, но боль в горле не дает разговаривать четче.

— Заболела? — вроде бы в его вопросе звучит сочувствие, но спустя пять лет я научилась понимать все интонации, взгляды и жесты Юры. За сочувствием прячется «так тебе и надо».

Только я никак не могу понять, откуда в нем столько злобы ко мне. И как человек терпел меня рядом целых пять лет. Сложно прятать в себе такое количество яда, но Юре как-то это удалось.

— Простыла.

Снимаю со спинки стула теплый махровый халат и надеваю его поверх пижамы, потому что озноб еще не прошел, но на часах уже девять утра и мне пора собираться на работу. Хорошо, что сегодня во вторую смену.

— Сильно? Температура есть?

— Что ты хотел? — игнорирую его вопросы, потому что у Юры больше нет прав знать о моем состоянии: ни физическом, ни ментальном.

Нахожу на полу тапочки, быстро собираю волосы в пучок и складываю в пакет-майку мыльные принадлежности, чтобы пойти умыться. Хочется принять душ: горячий, долгий, чтобы прогрел каждую косточку, но в коммуналке такая роскошь недоступна. Да и на сборы у меня не больше часа.

— Звоню обрадовать тебя. Как удачно я позаботился, чтобы ты не ходила сегодня на работу и спокойно лечилась в своей конуре, которую снимаешь на Фонтанке.

— О чем ты?

Страх мгновенно сковывает каждый сантиметр моего тела. Создается ощущение, что стоит открыть дверь, как я столкнусь лоб в лоб с Юрой.

— Я позвонил в ту контору, где ты моешь полы, и пригрозил иммигрантской облавой, поэтому с сегодняшнего дня ты там больше не работаешь, — с такой невообразимой радостью сообщает мне он, будто совершил поступок, достойный уважения.

И я верю ему — работы у меня больше нет. В той фирме никто не посмотрит на мой российский паспорт. Они на порог меня не пустят, потому что проще за час найти новую бесппроблемную уборщицу, чем возиться со мной.

— Зачем ты так, Юр? — то ли дело в болезни, то ли в общей усталости, но я не могу сдержать всхлип, когда слышу про увольнение, — Что я тебе сделала? Ты не понимаешь, что мне теперь не на что жить и есть?

Слезы постепенно превращаются в истерику, и под конец я начинаю кричать на мужчину в трубку, но Юра как будто упивается моим очередным падением, как энергетический вампир, выбивая из меня эмоции.

— Ты уж извини, Фатима, но я планирую выиграть суд на первом заседании, а еще хочу защитить дочь от тебя. Не переживай так — в два года дети легко забывают факты из своей жизни. Она без проблем переживет ваше расставание...

— От кого ты собрался ее защищать?! От мамы, которая любит ее больше всего на свете? — разговаривать спокойно

больше не получается.

Сдираю с себя халат, сажусь на кровать и подтягиваю колени к груди. Это конец, в Петербурге он перекрыл мне кислород окончательно, и выход остается один — возвращаться домой и действовать оттуда.

Зоя права — по документам я владею десятью процентами нашей компании. Надо восстановить карту, проверить счета и начать пользоваться этими деньгами. Глупо было отказываться от них, но тогда, пять лет назад, я благородно посчитала, что, отказавшись от семьи, я отказываюсь и от всех благ, которые полагались мне, как Керимовой.

— От мамы, которая увезет мою дочь в горы, налепит на голову хиджаб и выдаст замуж в пятнадцать лет.

Странно слышать от Юры эти слова, потому что все, что он говорит, — глупые стереотипы. Не буду отрицать: в некоторых семьях на Кавказе могут существовать столь радикальные порядки, но в нашей даже при чересчур религиозном отце никто и никогда не выдавал девочек замуж в пятнадцать лет. А хиджаб следует носить по велению сердца, иначе в нем не будет никакого смысла.

— Ты сейчас рассуждаешь, как Ольга Дмитриевна, — делаю вывод.

А, может, это она незаметно промыла мозги Юре? Не мог же он сам по себе из доброго и любящего превратиться в узколобого озлобленного человека.

— Мама любит Анечку, а еще она воспитает из нее со-

временную образованную девушку, которой не нужно будет тайком сбегать из дома, чтобы ее насильно не выдали замуж.

— Это бессмысленный разговор, Юра. Через две недели суд, там и поговорим, — хочу скорее завершить вызов, но бывший муж никак не успокаивается.

— Лучше расскажи сразу, что собираешься предпринимать, Фатима, — псевдодружелюбный тон превращается в зловещий, — Чтобы я развеял все твои иллюзии.

— Не твое дело...

— Ни один адвокат не станет помогать тебе. Ни одна компания не возьмет тебя официально на работу, а будешь рыпаться, Павел Эдуардович, владелец твоей конуры, завтра же сдаст тебя полиции, как нелегальную мигрантку. Пока менты будут разбираться, проведешь незабываемые сутки в обзьяннике.

Телефон вновь оживает, оповещая о звонке на второй линии, и я с огромным удовольствием завершаю вызов с Юрой и отвечаю на другой входящий:

— Алло?

— Фатима?

Айшат?!

— Айшат? — спрашиваю уже вслух, не в силах скрыть свое удивление.

Неужели мама и брат узнали о моем положении?

— Фатима, я твой номер нашла у Айны в телефоне...

У мамы есть мой новый номер?..

— Мама рядом?

— Ее забрала скорая, — плачет в трубку женщина, — У Айны случился сердечный приступ. Она совсем плоха, Фатима. Одна тут, угасает, на тень похожа...

— Я еду. Завтра буду у вас.

На поверхность вновь всплываю слова Зои про семью. Суд через две недели, и у меня еще есть время, чтобы тщательно подготовиться к заседанию.

Глава 5

Возвращение в родные края ощущается, как глоток свежего воздуха, будто все пять лет я задыхалась и теперь снова могу дышать полной грудью. Но в то же время Кавказ давит на меня, обвиняет в предательстве и ждет извинений.

Выхожу из аэропорта и надеваю на лицо большие черные очки, словно меня кто-то может узнать. Смешно и грустно.

Смешно от самой себя и грустно, что в итоге вышло все так, как меня предупреждали.

— До городской больницы? — уточняет таксист, когда я сажусь к нему в машину.

— Да, — киваю и игнорирую недоумение в глазах парня, — Пожалуйста, побыстрее.

Да, я не сняла очки даже в машине, потому что на Кавказе любой человек может быть братом, сватом, кумом тех, кого ты не хочешь видеть. И стоит кому-то попасться на глаза, завтра вся республика будет судачить, что я вернулась.

Ни мне, ни репутации брата это не нужно.

— Вы откуда? — осторожно спрашивает водитель, который, похоже, не умеет ездить молча.

— Из Петербурга, — отвечаю уклончиво, — Приехала в гости к друзьям.

Вру, потому что, если скажу, что приехала к родственникам или хот как-то упомяну, что я родом отсюда, допрос

продолжится с удвоенной силой. Парень всю душу из меня вытрясет, пока не узнает, кто именно мои родственники — вдруг мы с ним тоже родня.

— А в больницу зачем?

— Подруга работает врачом.

В Петербурге я отвыкла от такого любопытства — оно безобидное, без злого умысла, но сейчас я больше всего хочу тишины, а не расспросов.

— Какая-то вы грустная, — не замолкает парень, все время поглядывая на меня в зеркало заднего вида, — И не замужем, — вдруг с улыбкой заключает он, — Хотите, я на вас женюсь и решу все проблемы?

Впервые за день на губах расплывается улыбка. Не от резко нахлынувшего веселья, меня трогает предложение таксиста. Самое удивительное, что он говорит искренне. Если соглашусь, то меня незамедлительно повезут знакомить с родителями, а после к имаму заключать никах.

Большинство кавказских мужчин не думают, а делают по велению сердца — иногда это хорошо, но иногда все может закончиться плохо.

— Я только что развелась, — пытаюсь отпугнуть его своим разводом, — А вы мне замужество предлагаете.

— Серьезно? — удивляется парень, — Наверное, ваш бывший муж ослеп и оглох, раз бросил такую красотку.

Интересно, когда он успел разглядеть во мне красотку?

— Наверное, — отвечаю сухо, с намеком, что не намерена

дальше развивать диалог про свою личную жизнь.

Таксист, конечно, не замолкает: продолжает болтать про свадьбу, про свою семью и особенно про сестер, которых пора выдавать замуж, а они не хотят. Кажется, он пересказывает мне всю свою биографию с момента рождения, но за следующим поворотом, к счастью, показывается главный корпус больницы, и монолог водителя завершается.

— Надеюсь, что мы еще увидимся, — напоследок говорит парень, — И поженимся.

— Хорошо, — второй раз улыбаюсь скорее дежурно, чем искренне, и выхожу из машины.

Мама лежит в кардиологическом отделении. Айшат говорила, что ее положили на две недели обследоваться и капаться, но Айна Керимова вряд ли согласится так долго валяться без дела, еще и в незнакомом месте.

Миную приемное отделение, покупаю в больничной аптеке бахилы и одноразовый халат, прохожу в кардиологию и только у палаты мамы вся моя решительность куда-то пропадает. Надо всего лишь постучать и войти, но я так и остаюсь, как вкопанная, стоять перед дверью.

— Фатима! — зовет знакомый голос.

Поворачиваюсь, снимаю очки и охаю от удивления вперемежку с радостью.

— Айшат! — первая лечу в ее объятия, вдыхая родной запах. Хлеба и меда, а еще чего-то цветочного.

Пять лет прошло, но Айшат ни капли не изменилась —

в черном длинном платье до пят и в белом платке. На лице только появились очки. Возраст, зрение подводит.

— Фатима наша приехала, — начинает плакать женщина, и я вместе с ней.

Жаль, что все так сложилось. Жаль, что я уехала и по глупости оборвала с ней связь. Но и правильного выбора у меня тогда не было: или уехать с Юрой, чтобы сегодня оказаться здесь, или выйти замуж за Тахира, что еще хуже.

— Как мама? — отрываюсь, но руки не размыкаю, ласково поглаживая ее по мягким плечам, — Что сказал врач?

— Сердечный приступ, — грустно вздыхает Айшат, — Сердце у нее стало совсем слабое. Больше нет прежней Айны. Она затухает и скоро совсем погаснет. Может, хоть ты поможешь ей выбраться из этого состояния.

— Не думаю, что маме станет лучше, если она меня увидит, — качаю головой, отходя к лавочке перед палатой.

— Она не злится, Фатима, — шепчет Айшат, присаживаясь рядом, — Она любит тебя и очень скучает. У нее не осталось никого, дай ей обрести дочь.

Последний разговор с мамой состоялся на поминках младшего брата, где она язвительно напомнила мне, что совсем скоро выдаст меня замуж за Тахира. А до этого Айна Керимова ворвалась в мою комнату посреди ночи и кулаками объяснила, почему мне не следовало тайком встречаться с Юрой.

Поэтому мои чувства к маме неоднозначные. С одной сто-

роны, я не хочу, чтобы она болела, но с другой — мне страшно заходить в палату и смотреть в глаза, в которых пять лет назад было столько ненависти.

— А еще она очень хочет познакомиться с внучкой, — с улыбкой добавляет Айшат, когда наш разговор скатывается в напряженное молчание, — Ты ведь привезла Аню?

Глава 6

— Пластиковая карта будет готова через три дня. Пришлем вам ее по адресу фактического проживания. А счетом можете пользоваться уже сейчас. Доступны функции перевода денежных средств и бесконтактная оплата, — с дежурной улыбкой объясняет девушка-консультант в банке, куда я пришла с утра, чтобы восстановить доступ к деньгам.

Смотрю на цифры на счету и понимаю, что я полная дура. Дура, что не ценила эти деньги, когда жила в доме брата, и вдвойне дура, что оставила все карты и доступы, когда сбегала. Имей я эти суммы при себе все пять лет, у Юры и его семьи не было бы столько влияния.

Но Юра знал меня слишком хорошо, поэтому и начал свою бессмысленную вражду.

Только теперь наши силы потихоньку уравниваются. За эти годы на моем балансе накопился приличный капитал, который я планирую потратить на покупку квартиры. В Петербурге или здесь — еще не решила.

Оставаться там после всего не хочется, но и жить здесь, когда тебя больше ничего не связывает с этим городом, странно.

Ладно. Выиграю суд, заберу Аню и буду решать. Может, вообще перееду ближе к Черному морю — поступлю, как брат, и начну жизнь заново в таком месте, где никакое про-

шное не будет наступать на пятки.

— Фатима? — зовет знакомый голос, заставляя вырваться из собственных мыслей и активно крутить головой, чтобы найти источник звука в толпе людей.

Я на пути из банка в отель, где остановилась на все дни пребывания здесь. Нужно быстро пообедать и ехать в больницу к маме. Вчера нам не дали увидеться. Точнее лекарства так сильно срубили маму, что она проспала до ужина, а на вечер часы посещения в этой больнице не распространяются.

— Фатима! — повторяет женский голос, и я, наконец, понимаю, кто так громко кричит на всю улицу, чтобы привлечь мое внимание.

Зарина Мусаева — одноклассница и бывшая коллега в детском центре, где я работала до побега с Юрой. По соцсетям знаю, что Зарина успешно вышла замуж и родила дочку.

— Зарина, — снимаю очки и падаю в объятия старой подруги.

— Ты что шпиона изображаешь? — хохочет она, кивком показывая на очки в моих руках, — Кто ходит в солнцезащитных очках в пасмурную погоду?

— Да, я... — начинаю мычать, но Зарина, психолог с хорошим стажем, ловко перебивает меня и избавляет от необходимости глупо оправдываться:

— Не хочу слышать никакие оправдания. Видишь за углом новую кофейню с панорамными окнами?

— Вижу, — киваю и позволяю ей крепко взять себя под руку.

— Идем туда пить чай, есть пирожные и болтать. Надеюсь, без возражений?

Я и не пыталась возражать, потому что слишком хорошо знаю Зарину. Если она что-то хочет от тебя, то обязательно получит. Как бы ты ни сопротивлялся.

Полезное качество. Так как мы работали в основном с нейроотличными детками, которые тяжело идут на контакт, упертость Зарины ей очень помогала.

— Итак...

На столе большой чайник с чаем, мой сэндвич с курицей, потому что сладкое я не хочу, и кусок лимонного пирога для Зарины. Официант кладет приборы и оставляет нас одних.

— Пять лет назад я сбежала из дома с Юрой, главной службы безопасности брата. Мы были влюблены друг в друга, поэтому решились на такой безумный поступок, — делаю глоток чая, чтобы перевести дух, и продолжаю без запинки, — Переехали в Петербург к его семье, поженились, я родила дочь. Вот и все.

— Это я знаю, — кивает девушка, на секунду отвлекаясь на свой пирог, — Мне нужны детали.

Не хочется вдаваться в подробности, но Зарине сухих фактов мало, и я ее прекрасно понимаю. Если бы моя подруга исчезла на пять лет, я бы тоже устроила ей допрос.

Выдыхаю и вываливаю на нее остальную часть истории:

— Юра мне изменил, забрал дочь, а теперь хочет лишиться родительских прав.

На секунду между нами повисает тишина, но уже в следующее мгновение из Зарины вырывается слишком громкое:

— Ах**ть!

— Сама в шоке, — грустно усмехаюсь, отодвигая от себя тарелку с сэндвичем, потому что аппетита больше нет.

— Знаешь...

— Только не говори, что еще тогда ты понимала, чем все закончится?

Неужели, любовь настолько слепа, и я, дипломированный психолог, не разглядела в Юре того монстра, кем он стал сейчас?

— Нет, не знала, — спешит успокоить Зарина, хватая меня за руку, — Я видела вас вдвоем, когда он забирал тебя после работы. Видела, как он смотрел на тебя, как осторожно касался. Юра любил тебя, в этом можно не сомневаться. Просто он уже тогда был странным... Дерганным, себе на уме. Я много раз видела его в компании девушек в городе, и с ними он обращался грубо. Это все происходило до вашего тайного романа, но можно было сделать выводы, что такая же участь коснется тебя... — с сочувствием в глазах добавляет она.

А я не видела, какой он. Потому что жила в деревне и не ходила ни в какие кафе, рестораны и клубы. А если ходила, то под чутким контролем семьи.

— Педагогический научил меня хорошо разбираться в поведении детей, но совершенно не научил разбираться в головах взрослых, — констатирую невеселый факт, запивая горечь во рту крепким чаем, — И теперь я должна доказывать в суде, что достойна воспитывать собственного ребенка.

— Поэтому ты вернулась к нам? Хочешь попросить помощи у брата?

— Не совсем, — уклончиво отвечаю на ее вопросы, — Я приехала, чтобы решить вопросы с деньгами, которые положены мне, как акционеру компании. А еще нужно купить жилье и найти работу. В Петербурге у меня ничего нет, чем и пытается воспользоваться Юра на суде.

— Кажется... — заинтригованно тянет Зарина, мгновенно переключаясь, — У меня есть для тебя работы. Сегодня пришла заявка на индивидуальные занятия с ребенком, у которого предположительно аутизм. Нужно ездить каждый день к ним домой и заниматься с девочкой.

— Предположительно аутизм?

— Отец только заметил первые признаки, до этого он думал, что у дочери такой характер. Замкнутый. Ты же знаешь, что у маленьких детей сложно выявить заболевание, особенно если оно протекает в легкой форме.

— А мама девочки? — неожиданно чувствую прилив энергии в теле.

Как же приятно оказаться в своей сфере. Не мыть полы, хотя в этой работе нет ничего плохого, а заниматься сложны-

ми детьми, помогать им адаптироваться к жизни среди нейротипичных сверстников.

— Мамы нет. Мужчина вдовец, воспитывает один четырехлетнюю дочь, живет в поселке в двадцати километрах от города. Обеспеченный, судя по тому, что у девочки есть еще две няни на будни и выходные. Платит очень хорошо, особенно если будет результат, а с тобой он точно будет. Я перешлю тебе его анкету и заявку, если интересно.

— А ты? — с прищуром смотрю на Зарину, — Почему сама не хочешь работать с этим ребенком?

— А я... — подруга привстает и ласково проводит по своему животу, — Через несколько месяцев собираюсь за вторым, поэтому не могу кататься за город.

— Я тебя поздравляю, — говорю искренне и тоже встаю, чтобы обнять Зарину.

Прекрасно помню эти чувства на первом триместре беременности — казалось, что в еще плоском животе происходит какая-то магия, а по венам течет не кровь, а концентрированная любовь к нерожденному человеку.

— Присылай, — в моем голосе появляется уверенность, — Я изучу и дам тебе ответ завтра.

Если меня возьмут обратно в центр, к тому же официально, то Юра потеряет еще один козырь. Второй за этот день.

В номер возвращаюсь только под вечер. Перед этим все же с вернувшимся аппетитом съедаю свой сэндвич. После

иду на рынок и покупаю маме свежие фрукты, а в больнице сталкиваюсь с Айшат, которая с грустным видом сообщает, что «Айне опять вкололи какое-то непонятное лекарство, и она крепко спит». Оказывается, мама слишком сильно разнервничалась, когда узнала о моем приезде.

Пусть спит. Перед возвращением в Петербург я обязательно встречусь с ней и поговорю, а пока прохожу к небольшому письменному столу у кровати, достаю из чемодана рядом ноутбук и сажусь за свое временное рабочее место, чтобы как следует изучить анкету потенциального клиента.

Подключаюсь к интернету отеля, открываю почту и еще минуту наблюдаю, как на черном экране монитора крутится колесико загрузки файла.

В pdf-документе десятки листов с заключением детского невролога, но взгляд прикован лишь к одной строчке.

К имени девочки.

Ясмин Догаева.

Глава 7

На старом месте работы меня восстанавливают буквально за день. Оказывается, брат уже после моего побега спонсировал детский центр и помог со строительством нового спортивного крыла, поэтому руководство идет навстречу, оформляет меня в штат и передает первого клиента.

Ясмин Догаеву — дочь Тахира.

Не знаю, чем я думаю, соглашаясь на эту авантюру. Тахир Догаев — мой бывший жених, если так можно выразиться. Пять лет назад мама очень хотела выдать меня замуж за него — так хотела, что, если бы я не сбежала с Юрой в Петербург, меня бы насильно увезли в дом Догаевых и под страхом смерти заставили выйти замуж за Тахира.

А сейчас у него дочь. Девочке четыре года, и по первому заключению невролога у нее расстройство аутистического спектра.

Удивляет, что тот малообразованный, грубый, резкий Тахир так активно занимается собственным ребенком, особенно девочкой. К сожалению, и в нашей деревне были случаи, когда родители забивали на здоровье ребенка, если он родился с дефектом. Даже если этот дефект можно контролировать со специалистами.

«Проще родить нового», — именно так сказала наша соседка, когда я заподозрила у ее дочери умственную отста-

лость.

«Но замуж она сможет выйти и родить детей?» — еще одна популярная фраза на приеме, которую мне приходилось слышать не раз.

Мальчикам везет больше. Все-таки они наследники, продолжатели рода.

Но Тахир удивляет. Правда удивляет. Догаевы всегда относились к женщинам, как к ресурсу. Интересно, почему их старший сын отклоняется от принятой «нормы»?

Прекращаю анализировать прошлое и собственное решение, шумно выдыхаю и открываю на почте окно нового письма. Мне дали всевозможные контакты Тахира, но я решаю использовать только электронную почту, создавая между нами прочную дистанцию.

Мы больше не давние знакомые, не враги, не несостоявшиеся муж и жена.

Мы — клиент и педагог-психолог. Нашего прошлого не существует.

Fatima.kerimova@mail.ru:

Тахир Адамович, добрый день.

Прошу ознакомиться с планом занятий, а также учебными материалами, которые я подготовила для Ясмин.

Первое занятие — послезавтра в десять утра. Рекомендую вам присутствовать на нем.

Благодарю за доверие.

Последнюю фразу стираю. Она ни к чему. Это исключи-

тельно рабочие отношения — никакого неформального общения и перехода границ.

Отправляю сообщение и отхожу от ноутбука, будто он ужалит меня сейчас. Стыдно признаться, но я боюсь, что мне ответит Тахир.

Со слов Зарины знаю, что он долго не думал и сразу согласился на мою кандидатуру, но от этого не легче. Гораздо проще было бы, если бы он отказался и вдогонку наслал на меня пару проклятий.

Но мужчина согласился, а у меня нет другого выбора. И пока он изучает мои материалы, надеюсь, что изучает, я кружу по номеру, чтобы хоть как-то унять дрожь в теле.

Ответ приходит быстро и неожиданно. Ноутбук оповещает меня о новом сообщении характерным звуком, заставляя подпрыгнуть на месте.

Подбегаю к столу и открываю письмо.

tahadoga@mail.ru:

Фатима Ахметовна, здравствуйте.

Предлагаю нам встретиться лично и обсудить ваши планы на Ясмин. Завтра в три в ресторане «Санфир» устроит?

Нет! Конечно, не устроит.

Первая реакция — отказаться и свести наши встречи к минимуму. Видеться в рамках занятий — это одно, но общение тет-а-тет...

Fatima.kerimova@mail.ru:

Хорошо. В три в «Санфире».

Нужно успокоиться, взять себя в руки и вспомнить, для чего я все это делаю. В первую очередь я — психолог, профессионал в своей сфере. Хватит уже трястись перед призраками прошлого.

Я изменилась, Тахир изменился — мы больше не те, кем были, когда нас пытались поженить.

Но воспоминания против воли возвращают в тот день, когда мы виделись в последний раз...

— Фатима!

Тяжело вздыхаю, когда понимаю, что нас все-таки застукали. Чертов Тахир Догаев! Он ведь должен быть рядом со своим несчастным братом.

— Фатима! — повторяет мужчина, догоняя нас за два шага, — Что ты делаешь?

— Что я делаю? — взрываюсь и с трудом игнорирую боль под ребром.

Мама била меня умело — только в те места, где никто не увидит. Оставляя безобразные синяки и царапины на нежной коже живота, ног и рук, которые мне пришлось скрывать под плотным закрытым платьем.

Ничего. Осталось несколько метров, я окажусь на свободе. В долгожданных объятиях любимого мужчины.

— Ты... Сбегаешь?

Как я устала от этой навязчивости. Неужели ему самому не противно, что девушка столько раз его отвергала?

— Тахир, просто... отвали от меня. Забудь, найди себе другую жену, а мне дай уйти, — прошу его, но раздражение в голосе скрывать не получается, — Ну зачем я тебе?

Во мне столько отчаяния, что хочется, как в детстве, — начать топтать ногой и плакать от досады. Если из-за Догаева у меня не получится сбежать, я устрою и ему, и себе ад на земле.

— Может, потому, что я люблю тебя! — выкрикивает он, ошарашивая меня своим признанием.

— Любишь? — не верю в услышанное, — Ты вообще умеешь любить?

Специально говорю грубо, бью по его уязвимым местам, чтобы возненавидел и отстал.

— Представь себе, умею, — усмехается мужчина...

Прекращаю наворачивать круги по номеру, останавливаюсь перед большим зеркалом и долго-долго смотрю в свое отражение.

Надеюсь, его слова про любовь были глупостью.

Глава 8

На встречу с Тахиром Догаевым достаю из чемодана юбку-карандаш молочного цвета и мягкую кашемировую кофту в тон с оголенными плечами.

Образ вроде спокойный, подчеркивает деловой тон встречи, но в то же время голые плечи — это немного дерзко для наших краев. Раньше я так не одевалась. Раньше мама бы порвала свитер с подобным фасоном и заставила убраться к себе в комнату, чтобы не позорить ее.

Но все это было «раньше». Пять лет в Петербурге жестко прошлись по моей скромности. А последние полгода окончательно выбили из меня послушание.

Надеваю сапоги, пальто и в последний момент наношу на нюдовую помаду блеск, чтобы подчеркнуть губы.

Жаль, что боевой настрой куда-то улечивается, пока я еду до «Сапфира». А уже у ресторана приходится остановиться, насильно успокоить дрожь в теле и сосчитать до десяти, чтобы рваное дыхание не выдавало мое волнение.

Держу спину прямо, передаю хостес свое пальто и уверенной походкой прохожу в основной зал. Ресторан «Сапфир», судя по всему, открыли недавно — не помню это заведение в те времена, когда я жила здесь.

Красивое место, ряд столиков расположили прямо у па-

нормального окна с видом на центр города. В любой другой момент мне бы здесь понравилось.

Когда брат стал главой семьи, порядки дома изменились. Стали легче. С тем же уважением к традициям, но без подавления воли. Арслан подарил мне машину, разрешал ездить в город, сколько нужно и не выдумывая оправдания. Но даже тогда я ходила в рестораны только по особым поводам — чаще всего вместе с братом, потому что незамужняя молодая девушка и одна в ресторане — это красный флаг для нашего общества.

Когда я переехала в Петербург, походы в рестораны перестали быть чем-то праздничным и волнующим — Юра любит ходить туда просто так. Позавтракать или поужинать, регулярно игнорируя мою домашнюю еду.

А сейчас я просто хочу скорее завершить эту встречу и созвониться с адвокатом, которого вчера нашла по отзывам в интернете.

Тахира вижу сразу — он сидит за дальним столиком спиной к входу. Мужчина стал крупнее, шире в плечах, но я все равно узнаю его по коротко стриженным волосам и шраму на шее, который достался ему от отца еще в подростковом возрасте.

Не знаю, что выдает мое появление: цокот каблучков или аромат духов, но Тахир встает, резко разворачивается, и мы оба замираем в паре метров друг от друга.

Он правда изменился. Сильно, практически неузнаваемо

— передо мной точно не дикарь и не деревенщина, каким я считала Тахира раньше. Догаев-старший проделал серьезную работу над собой.

Спортивную, вечно пыльную одежду сменили джинсы и рубашка темно-оливкового цвета с закатанными рукавами. Вместо неаккуратной бороды теперь трехдневная щетина. На толстом запястье часы.

Догаев из моего прошлого — неряшливый, местами неуклюжий и грубый. Догаев в настоящем — еще более сложная конструкция.

— Здравствуй.

Его голос тоже изменился. Стал спокойнее, без резких интонаций. А былая ярость в глазах уступила место холодному безразличию. Он смотрит строго, ожидая блестящих результатов моей работы. Во взгляде больше нет никакого обещания — лишь сухой интерес к профессиональным навыкам, и это успокаивает.

Мы чужие, никто друг другу. Хорошо, что сам Тахир это подчеркивает, помогая мне окончательно успокоиться.

— Здравствуй, Тахир, — отвечаю ему также сухо и формально, позволяя отодвинуть для меня стул.

Мужчина садится следом и внимательно ждет, пока я достану из сумки все распечатки, которые подготовила для будущих занятий с Ясмин. На столе появляется сначала одна массивная папка, следом вторая, а рядом я кладу телефон, чтобы не пропустить сообщения адвоката. Ставлю его

на беззвучный режим и перевожу взгляд на Тахира.

— Итак, — начинаю на вдохе, — Я подготовила...

Телефон на столе загорается, оповещая вибрацией о входящем звонке.

Это Юра, и думаю, имя бывшего мужа на дисплее отлично видно с места Тахира. Не знаю, успел ли он прочесть, кто мне звонит, но атмосфера между нами явно стала темнее и гуще.

— Перед началом активных занятий с Ясмин, — сбрасываю и параллельно продолжаю говорить, с трудом скрывая тревогу из-за звонка, — Я прошу тебя записать дочь вот к этим специалистам, — передаю Тахиру лист со списком врачей, — Один из них работает в Краснодаре, но в данном случае лучше потратить время и съездить к нему на обследование. Дмитрий Валерьевич — очень грамотный невролог.

— Хорошо, — кивает мужчина, ни капли не возражая, — Но я хочу, чтобы ты поехала вместе с нами.

— Зачем? — удивленно смотрю на него, но тут же снова отвлекаюсь.

Потому что Юра звонит во второй раз.

Сбрасываю.

— Мне нужен кто-то, кто будет расшифровывать непонятные слова врачей на человеческий язык, — терпеливо объясняет Тахир, но воздух между нами тем временем начинает наэлектризовываться от нарастающего раздражения мужчины.

А Юра тем временем звонит в третий раз, начиная дурацкую игру: кто кого.

Не хочу отвечать, потому что прямо сейчас нахожусь на работе и должна зарекомендовать себя перед Тахиром. Но в то же время Юра может так настойчиво звонить мне из-за дочери.

А если с Анечкой что-то случилось?

— Прошу прощения, — не выдерживаю и вскакиваю с места, когда телефон вибрирует в четвертый раз, — Я на пару минут.

Хватаю со стола смартфон, бегу во второй малый зал ресторана и с колотящимся сердцем отвечаю на звонок.

— Рекомендую тебе отвечать с первого раза, Фатима, — раздается ядовитый голос Юры.

— Я занята, и у меня нет времени на разговоры. Что ты хотел?

Подхожу к окну и фокусирую взгляд на панораме города.

— Так и скажем в суде, что у тебя никогда не было времени на нашу дочь, — язвит мужчина, выдумывая на ходу несуществующие факты, — Скажи мне, Фатима, какая мать уедет от ребенка на другой конец страны? Моя мама, вообще-то, целый день ждала, когда ты придешь и забереешь Аню на пару дней. Суд ведь пока не лишил тебя родительских прав, и ты можешь видеть дочь, когда захочешь.

— О чем ты, Юра? — все нутро переворачивается от ужаса, — Твоя мама давно заблокировала мой номер. И мне ни-

кто не звонил. Откуда я должна была знать, что сегодня могу увидеть Аню?

Это очередная гнусная игра. Очередной способ очернить меня в суде. А еще таким образом Юра пытается задеть меня побольнее, и у него получается.

Я не видела дочь несколько недель, ее запах чудится мне даже здесь, на Кавказе, а от фантомного детского плача, который слышится на каждом шагу, психика едва выдерживает.

— Любящая мать дежурила бы под окнами день и ночь, а ты решила бросить Аню и уехать в свой аул? — смешок в динамике резко оголяет мои нервы, — Думаешь, Арслан поможет тебе забрать у меня дочь? Или ты к бывшему прибежала проситься в жены?

— Замолчи, Юра, — теперь моя очередь рычать в трубку, — Замолчи и не нарывайся. Мои дела тебя больше не касаются. А своей маме передай, чтобы не строила планы на МОЮ дочь. Аню я заберу и сделаю то, что ты так боишься. Увезу ее на Кавказ. Подальше от вашего безумия.

— Слушай сюда!

Резко завершаю вызов и плотно зажимаю ладонью рот, чтобы никто не услышал, как я тут плачу. Всхлипываю, громко шмыгаю носом, но в который раз насильно заставляю себя успокоиться.

Нужно вернуться в зал, извиниться перед Тахиром и попросить перенести наше обсуждение на завтра. Потому что

сегодня я больше ни на что не способна.

Мозг тут же начинает лихорадочно придумывать причину моего побега, но стоит отлипнуть от окна и развернуться, как я понимаю, что ничего выдумывать не нужно.

Тахир здесь, совсем рядом. Стоит и пристально смотрит на меня.

Интересно, как много он слышал и какие выводы сделал?

Глава 9

Ровно в девять тридцать утра я выхожу из старенького автобуса, пересекаю пару улиц, морщась от мелкого дождика и ругая себя, что не взяла зонт, и оказывают перед домом Тахира Догаева.

Он переехал. Выбрал поселок в черте города и построил себе новый дом.

Не внушительный особняк, в котором жили Догаевы пять лет назад, а что-то проще, но со вкусом. Стильный, современный дом без удушающей роскоши. С первого взгляда холодный, неприветливый, особенно к чужакам, но мне вдруг нравится выбор Тахира.

Думаю, нам с Аней тоже стоит переехать за город, когда все закончится.

А пока я смахиваю с лица капли дождя, нажимаю на домофон и терпеливо жду, когда меня впустят. Сегодня у нас урок-знакомство — скорее организационное мероприятие, чем полноценное занятие с ребенком.

Обычно в первый день работы на территории клиента я оцениваю детскую комнату, условия проживания и безопасность. Мне важно понаблюдать, как малыш ест, как решает бытовые вопросы и ведет себя в привычной обстановке, потому что именно дом и атмосфера внутри семьи — фундамент успешной реабилитации.

Вздрагиваю от неожиданности, когда раздается резкий щелчок, и дверь передо мной открывается. Ни армии охраны, ни огромных территорий размером с футбольное поле — к дому Тахира ведет узкая дорожка из серого камня, по бокам которой кто-то посадил вечнозеленые кусты.

Сам дом двухэтажный, из темного дерева с панорамными окнами. Выглядит, как дорогая берлога холостяка, но детская площадка, выступающая справа, выдает, что здесь живет маленький ребенок.

— Доброе утро, Фатима Ахметовна, — у дверей меня встречает пожилая женщина в строгом синем платье, — Меня зовут Елена Павловна, я — помощница по хозяйству и повар в доме Тахира Адамовича.

— Доброе утро, Елена Павловна, — пожимаю ее руку, одаривая вежливой улыбкой, — А я — новая гувернантка Ясмин.

— Рада познакомиться, — кивает женщина, — Тахир Адамович скоро приедет, а пока он просил накормить вас завтраком.

Завтраки не входят в мои должностные обязанности, да и аппетита нет после вчерашнего разговора с Юрой, но я все равно позволяю Елене Павловне увести меня на кухню и напоить горячим чаем.

Так даже лучше. Помощники по дому — идеальные информаторы, и пока женщина накрывает на стол, я осторожно вытягиваю из нее нужные для меня детали.

— Ясмин сейчас с няней, — делится она, ставя передо мной тарелку с творожной запеканкой и чашку с горячим чаем, — Ребенок любит завтракать исключительно в своей комнате. Без папы она боится выходить оттуда.

— Почему?

Делаю маленький глоток чая и не свожу внимательного взгляда с Елены Павловны. А женщина тем временем заканчивает свои дела и садится напротив меня с чашкой кофе.

— Мама Ясмин умерла, когда малышке было всего ничего, — с грустью вздыхает она, — Вроде в таком возрасте дети ничего не запоминают, но мне кажется, что на Ясмин эта трагедия оставила своеобразный отпечаток. Да и на Тахире Адамовиче тоже. Ходит по дому, как неприкаянный...

Ясмин четыре, а это значит, что Тахир женился практически сразу после моего побега и нашей несостоявшейся свадьбы.

— Он любил свою жену? — вырывается из меня против воли, и на щеках тут же проступает румянец от наглости вопроса.

И зачем мне это?

Мысленно даю себе подзатыльник и уже хочу перевести разговор в другое русло, но Елена Павловна открывает рот, чтобы что-то ответить, и резко закрывает его, плотно смыкая губы.

При этом женщина выглядит так, будто призрака увидела.

— Вы поели, Фатима Ахметовна? — раздается за спиной

грубый голос Тахира, и краска на моих щеках становится еще ярче и заметнее.

«Молодец, Фатима. Так облажаться в первый рабочий день...»

— Поела, — каких же усилий мне стоит, чтобы уже мой голос звучал ровно, — Проводи меня, пожалуйста, к Ясмин.

Спасибо кавказскому воспитанию и маме, что научили меня скрывать свои истинные эмоции и всегда держать спину прямо, даже когда тебя застукали за чем-то постыдным.

Встаю, медленно поворачиваюсь к Тахиру и всем своим видом показываю, что не намерена извиняться и тушеваться перед ним. Мое любопытство связано с работой, но никак не с его личной жизнью.

Пусть думает что хочет.

— Она в гостинной. Рисует тебе открытку.

— Мне, — удивленно смотрю на него, — Ты рассказал ей обо мне?

Тахир жестом показывает пройти вперед, и я послушно следую за ним, продолжая расспрос.

— И как она отреагировала на появление незнакомого человека?

Одна из особенностей малышей с РАС — любовь к рутине. Привычное безопасно, и любое изменение окружающей обстановки может вызвать регресс, чего мне бы не хотелось.

— Я сказал, что хочу познакомить ее со своим старым другом, — спокойно отвечает Тахир, когда мы оказываемся

у входа в гостиную, и я замечаю в центре, у журнального столика, темную макушку с красным бантиком.

— Держи, — оперативно вручаю Тахиру свою сумку, предварительно достав из нее разноцветный сверток, и прошу, — Оставь нас наедине на полчаса.

Следом скидываю с ног тапочки и иду к Ясмин. Аккуратно, бесшумно наступая на пол. Не крадусь, чтобы не напугать ребенка, но и не создаю шумиху из своего появления.

Ясмин замечает меня почти сразу — сначала в глазах девочки появляется страх, но в следующее мгновение она переключается и возвращается к своему занятию.

Это хороший знак. Хуже, если бы ребенок испугался или перевозбудился из-за незнакомца в доме.

— Привет, — медленно опускаюсь на колени и кладу на журнальный столик свой подарок.

Ничего внушительного и супердорогого — в подарочной упаковке спрятаны разноцветные фломастеры с блестками и альбом, на обложке которого нарисован котенок.

Ясмин не спешит открывать подарок. Вместо этого она протягивает мне чистый лист и молча предлагает присоединиться.

Девочка рисует букет в вазе — коряво, путая цвета, но за этим хаосом на листе я замечаю, что цветы в вазе Ясмин особенные.

Ирисы — мои любимые.

Беру коричневый карандаш и тоже начинаю рисовать.

Сначала туловище, потом закругленные ушки и следом милую мордочку — получается очаровательный мишка, который держит в руках ирис — точно такой же, какой рисует Ясмин.

Закончив, обмениваемся рисунками, и на пару секунд хмурое лицо малышки светлеет от радости.

— Очень красиво, — прижимаю ее открытку к груди, показывая, насколько ценен для меня этот подарок, и Ясмин делает то же самое с моим рисунком медведя.

Кажется, контакт налажен, и в теле разливается приятное тепло. Первое впечатление очень важно при работе с особенными малышами, и я с облегчением понимаю, что прошла этот экзамен.

Украдкой смотрю на Ясмин, пока она старательно собирает карандаши и бумагу, и понимаю, что она не похожа ни на кого из Догаевых. Конечно, ребенок вырастет и еще изменится, но сейчас я не вижу в ней ни Тахира, ни его сестру Лайлу, ни родителей.

— Ясмин, — малышка заканчивает уборку, возвращается ко мне и протягивает свою детскую ручку, чтобы познакомиться.

И ее жест тоже о многом говорит, потому что дети с РАС не любят лишние касания, особенно от чужаков.

— Фатима, — осторожно пожимаю ее ладонь и еще больше убеждаюсь, что сначала Тахир покажет свою дочь всем врачам из моего списка, а уже потом я буду корректировать

свою программу.

У Ясмин может быть аутизм, а может быть и нет. Пока ее поведение лишь говорит, что ребенок замкнутый и плохо социализированный.

— Откроешь мой подарок?

Краем глаза замечаю вернувшегося Тахира, но не спешу прощаться с его дочерью. Контакт с девочкой налажен, и нужно пользоваться этим по максимуму.

Ясмин забирает разноцветный сверток со стола, прижимает его к груди и молча кивает.

— Ты не против, если я иногда буду приходить к тебе и рисовать?

Опять кивок. Ясмин хоть и молчит, выбрав комфортное для нее невербальное общение, но не уходит и не прячется за папу, присутствие которого замечает вслед за мной.

Прощаемся мы тоже молча. Ребенок уходит с няней в детскую, сжимая в руках мой подарок, а я встаю, поправляю юбку и подхожу к Догаеву, который все это время подпирает плечом стену и наблюдает за мной.

— Как все прошло? — напряжение в голосе Тахира никуда не делось, и я понимаю, что так мы не сработаемся, если будем волком смотреть друг на друга.

Забираю у мужчины свою сумку и шустро надеваю тапочки, потому что ноги в капроновых колготках заledenели от холода.

— Можем где-нибудь поговорить наедине?

— Можем, — кивает, — В моем кабинете.

Кабинет Тахира напоминает мне зимний сад — на двух стенах установлены панорамные окна, открывающие вид на фруктовый сад и впускающие в помещение много света и воздуха.

— Не знала, что ты любишь растения, — отмечаю обилие зелени в комнате.

— Ясмин любит копаться в земле и все время что-то сажать, — объясняет мужчина, показывая мне рукой на второе широкое кожаное кресло напротив своего, — Хочу построить для нее отапливаемую теплицу, но пока все растения живут здесь.

— Я не узнаю тебя, — откровенно признаюсь Тахиру, — Куда делся тот парень, который вместе с братом кошмарил весь наш аул?

В моем вопросе скорее тоска по былым временам, чем желание задеть Тахира. Задолго до отчаянного желания матери поженить нас, мы даже дружили. Конечно, мальчишки Догаевы предпочитали играть с моим младшим братом Данияром, но я тоже бегала за ними хвостиком, выпрашивая внимание.

— Куда делась та девушка, которая взглядом могла уничтожить меня на месте? — на лице Тахира появляется слабая, скорее вымученная, но улыбка, и я с облегчением понимаю, что мы сработаемся.

С натяжкой, со всеми нашими шероховатостями, но хотя бы так.

— Извини за утреннюю сцену. Некрасиво вот так сплетничать о тебе за твоей спиной.

— Ничего, — усмехается Тахир, качая головой, — Но в следующий раз ты можешь спросить у меня прямо о матери Ясмин и моих чувствах к ней.

— Я... — на секунду теряюсь под внимательным взглядом мужчины, ощущая, как покалывает кожу на щеках.

— И я тоже наводил справки о твоей личной жизни, Фатима. Знаю, что ты развелась с Юрой и теперь судишься с ним за дочь.

Глава 10

— Я тоже наводил справки о твоей личной жизни, Фатима. Знаю, что ты развелась с Юрой и теперь судишься с ним за дочь.

Я несколько не удивлена его познаниям. У Догаевых куча связей, в том числе в правоохранительных органах, поэтому Тахиру ничего не стоило пробить меня. Особенно после того, как он подслушал мой разговор с Юрой вчера в ресторане.

— Я не хочу об этом говорить.

— Я хочу помочь.

— Чем? — смотрю на него скорее затравленно, чем удивленно.

Чем он мне поможет?

Нет, если бы суд проходил здесь, среди наших порядков, я бы подумала насчет предложения Тахира. Но в Петербурге, даже с деньгами, ни наша семья, ни Догаевы не имеют никакого влияния против ресурсов бывших свекров.

— Давай вернемся к делу, — прошу мужчину, — А с Юрой я разберусь сама.

— Он тебе угрожает?

В глазах Тахира привычный холод, в интонации — ни намека на эмоции, но атмосфера между нами все равно сгущается. И так каждый раз, когда мы оба на взводе, хоть и тща-

тельно скрываем это друг от друга.

— Он мне ничего не сделает, — отвечаю лаконично и быстро перевожу тему, — Сейчас все твоё внимание должно сконцентрироваться на Ясмин. Я сомневаюсь, что у неё аутизм. Социофобия, детство без мамы — да, но в её поведении слишком мало первичных признаков, чтобы говорить о РАС. Странно, что невролог, к которому вы обращались, сразу поставил такой диагноз.

— Она не любит разговаривать, — хмурится Тахир, обрабатывая сказанную мной информацию, — Часто может сидеть и смотреть в одну точку. Не любит, когда её трогают. Может вести себя тихо, а в следующую секунду взорваться от недовольства.

— Это не значит, что у неё именно аутизм.

— Я тоже не поверил, но врач объяснил, что аутизм бывает разных форм, и у Ясмин лёгкое течение болезни.

— Возможно, — киваю и на секунду перевожу взгляд на окно, за которым появляются Ясмин с няней.

Время прогулки перед обедом, и дождь удачно к этому времени закончился. Интересно, свекровь выводит мою Аню погулять днём? Она знает, что не нужно надевать под комбинезон вторую кофту, потому что дочь сильно потеет из-за неё, а потом мерзнет?

— Ты хотела знать про маму Ясмин, — начинает Тахир, будто чувствуя, что меня надо сейчас отвлечь от тяжёлых мыслей, — Я женился на Алие через две недели после тво-

его побега.

О как.

— Назло мне?

— Да.

— Зачем?

Отомстить, что-то доказать самому себе — вот зачем, но мне все равно хочется услышать и его версию.

Тахир

Зачем я женился на Алие?

Не знаю.

Наверное, в тот момент мне тоже хотелось совершить какую-то ошибку, последствия которой придется разгребать до сих пор, и мама удачно подсунула мне Алию. Буквально привела за ручку младшую дочь своей подруги и подложила под меня, а я отвел девчонку к имаму после первой встречи.

Вот и все.

Самый идиотский поступок в моей жизни.

— Мне пора было жениться.

Естественно, Фатима не верит в сказанное, что легко читается по ее сморщенному носику и недовольству в глазах, но я не собираюсь искать логику в своем поступке, потому что ее там никогда не было.

— Допустим, — кивает Фатима, периодически отвлекаясь на Ясмин, которую вывели погулять на улицу.

Ровно в одиннадцать утра и в пять вечера моя дочь ходит гулять — каждый день, ни минутой позже, а если пропустит

свое время, начнет капризничать и нервничать. Предлагать ей погулять в двенадцать или шесть — тоже не вариант.

Ясмин надо именно в эти временные промежутки, и такая заикленность на чем-то одном меня пугает.

— Что случилось с твоей женой? — осторожно спрашивает Фатима, тонко чувствуя, что наступает на зыбкую почву, — Отчего она умерла.

— От пневмонии, — теперь моя очередь пристально наблюдать за Ясмин, которая, как две капли воды, похожа на свою мать, — Алия забеременела, и мы вернулись в Россию. В дом моего дяди, потому что старый особняк отец продал, когда бежал из страны.

— Брата твоего отца? — догадывается Фатима, и горечь в ее глазах бьет под дых, — Тот, кто бил вас с Халидом железной палкой за непослушание и сломал тебе руку, когда ты сорвал для меня яблоко с его огорода?

— Он, — киваю, глуша в себе волну вины за это решение. Но тогда мне, еще глупому и недальновидному, казалось, что это лучший вариант. Не надо тратить деньги на покупку или съем жилья, потому что все накопления я пустил в собственный бизнес. К тому же Алия была не одна, а под приглядом тети и двоюродных сестер.

Только пока я впахивал и разбирался с поставками, жена попала в рабство к моим гребаным родственникам. Вплоть до родов драила дом и двор, отрабатывая их великие траты на еду и электричество, которое мы якобы тратили сверх ме-

ры.

Алия родила дома с повитухой, а уже через неделю вернулась к своим обязанностям, даже не думая жаловаться мне. А дальше ослабленный после родов иммунитет, работа в саду, часто на холоде, и пневмония с поражением легких.

Она сгорела, а я остался с маленьким ребенком на руках и осознанием, что своими руками погубил молодую девушку. А еще, что моя дочь не будет так жить. Ясмин не выйдет замуж в восемнадцать, едва окончив школу. Она не станет ничьей прислугой и уж точно не будет в рабстве у собственного мужа.

— Вот так, — рассказываю кратко, без эмоций, — А теперь твоя очередь говорить, Фатима.

— О чем? — она делает вид, будто не понимает, но кукольное личико выдает ее с потрохами.

— О том, как ты планируешь бороться за дочь.

Глава 11

— *Фатима, приезжай домой, — шепчет в трубку уставший голос Айшат, — Твою маму выписали, и мы вернулись в деревню.*

И я еду домой. В место, откуда бежала, сверкая пятками, и куда ни за что не хотела возвращаться. С родным аулом меня связывает много теплых воспоминаний: братья, наши игры в детстве, подруги, любимые места и самая вкусная выпечка Айшат. Однако все это меркнет, когда в голове всплывают другие воспоминания.

Страх, когда отец переводит на тебя свой строгий взгляд. Громкий голос матери, зовущий на разговор. Похороны младшего брата параллельно с чередой смотрин, когда тебя пытаются повыгоднее продать замуж.

Все это я пережила здесь, и возвращение в деревню на стареньком автобусе отзывается болью где-то в области сердца.

— Приехали, — басит недовольный голос водителя, и я вместе с другими женщинами выкатываюсь из его ржавой посудыны.

От импровизированной остановки до дома, где сейчас живет мама, идти полчаса. Хорошо, что сегодня нет дождя, и я могу спокойно пройтись по знакомым улицам.

Наш старый особняк сожгли дотла, а после брат снес обгоревшие стены. От дома остались уродливые руины, поэто-

му я долго не задерживаюсь на этом месте и иду дальше.

Сегодня мы занимались с Ясмин с девяти утра и до обеда — рисовали, вместе погуляли и обедали в ее комнате, а после я запрыгнула в автобус и поехала сюда. Теперь у меня есть примерно три или четыре часа, чтобы повидать маму и бежать на последний рейс, иначе я не уеду до утра.

А ночевать с ней под одной крышей — испытание, которое мне пока не под силу.

Выхожу на основную улицу деревни, и через три дома нужно повернуть направо, чтобы дойти до второго особняка нашей семьи, но ноги сами уводят меня в другую сторону.

Деревенское кладбище встречает полной тишиной, безветрием и скорбью. Среди выгоревших на солнце каменных плит похоронены мой отец, многочисленные родственники и младший брат.

Данияр Керимов был любимчиком в семье. Ему многое прощалось и позволялось. Например, уехать на учебу в Москву, когда мне и Арслану запрещено было покидать родную республику. А потом встретить там русскую женщину и завести с ней ребенка.

— Ну, привет, брат, — сажусь на каменную скамейку перед его могилой и глазами прохожусь по тексту на памятнике, — Мог бы ты себе представить, что твоя младшая сестра-тихоня сбежит из дома и наживет себе столько проблем?

Сначала из меня вырывается смешок, а следом губы расплываются в грустной улыбке. Если бы Данияр не погиб в

горах пять лет назад, интересно, как бы он отреагировал на мои проблемы?

Однозначно покрутил бы у виска и напомнил, что Юра — не тот человек, с кем мне следовало связывать свою жизнь. Потом отправил бы к Арслану, потому что «решалой» у нас всегда был старший брат. А мы с Данияром могли только дурачиться и бесить родителей.

Странно плакать и смеяться одновременно, но у меня получается. Сижу у могилы Данияра недолго. Убираю пару засохших листочков с земли, встаю, отряхиваю юбку от пыли и ухожу не оборачиваясь.

Хватит оттягивать неизбежное.

Второй особняк находится на границе аула и выезда к горам. Здесь красиво, тихо и даже уютно. Однако и у этого дома печальная история — прадед построил его для первой жены, которую сослал сюда, когда женился во второй раз.

Знаю, наши обычаи немного дикие, и все мои знакомые в Петербурге были в шоке, когда я спокойно объясняла, что моя мама — вторая жена отца, потому что первая супруга, мама моего старшего брата Арслана, серьезно заболела и умирала. И папа завел новую жену. Из практичности — чувств в их союзе с мамой никогда не было.

Жестоко?

Да, но новое поколение уже живет по-другому. Конечно, многоженство еще долго никуда не денется. Однако на первое место все чаще ставят чувства, а не практичность.

И что бы ни говорил Юра, я ни за что не допущу, чтобы Аня стала одной из жен кавказца, возомнившего себя султаном с гаремом.

Выплываю из собственных мыслей, когда оказываюсь перед вторым особняком. Он меньше, здесь всего один этаж, но здание добротное, кирпичное. Простоит еще не одно десятилетие, и я надеюсь, что маме здесь лучше.

Мы так и не успели повидаться в больнице. Сначала я оправдывала это тем, что занята, а позже честно призналась себе, что не готова к этой встрече.

Но сегодня пути назад нет, потому что стоит открыть скрипучую калитку и зайти на участок, как глаза тут же ловят худую фигуру в черном платье.

Это мама.

Айна Керимова — когда-то статная, всегда с прямой спиной и уничтожающим взглядом, стала меньше, тоньше и ниже. То ли дело в болезни, то ли пять прошедших лет ее серьезно потрепали.

— Фатима приехала! — за спиной мамы появляется Айшат, излучающая такую радость, словно они только что миллиард в лотерее выиграли.

— Приехала, — киваю и подхожу ближе, — Привет, мам.

Мама и правда очень изменилась. Наверное, давние знакомые едва узнают ее на улице, а если она наденет платок, то те и вовсе пройдут мимо.

— Привет, Фатима.

Между нами повисает ожидаемое молчание. Мне одновременно нечего ей сказать и хочется рассказать обо всем.

Приняла ли она мой побег? Смирилась с ним? Какотреагирует, если я скажу, что развелась с Юрой? Будет ли она любить Аню или поступит с ней так же, как с Ромой, сыном Данияра.

— Давайте в дом, — командует Айшат, когда видит нашу заминку, — Я мясо с картошкой потушила в казане и твой любимый пирог приготовила.

— С вишней? — отмираю первая, глядя то на застывшую маму, то на Айшат за ее спиной.

— С вишней, — хрипло отзывается мама, больше не сдерживая слезы.

Она делает один несмелый шаг, потом второй и на третий заключает меня в крепкие объятия.

— Фатима... — вырывается из нее горький всхлип.

Глава 12

Мама плачет, я плачу, Айшат где-то рядом всхлипывает, не выдерживает и убегает от нас.

— Ты приехала.

Отлипаем не сразу — стоим так, прижавшись друг к другу еще минут десять или больше. А, когда открываемся, мама все равно не отпускает меня от себя.

Неловко, странно, потому что я не привыкла к такому проявлению чувств с ее стороны, но в то же время маленькая Фатима внутри меня ликует.

Мама рядом, она не осуждает, а лишь рассматривает меня, потому что мы не виделись целых пять лет.

— Заходите в дом, — кричит Айшат, — Еда остывает.

— Пошли, — меня хватают за руку и тянут за собой.

Прохожу внутрь, снимаю обувь и забираю из рук мамы тапочки. Новые. Купленные специально для меня.

Вроде такая мелочь, а ребенок внутри продолжает прыгать от счастья, заставляя сердце биться чаще.

— Возьми мою кофту, — следом мне протягивают теплый вязанный кардиган, — У нас в последнее время отопление барахлит. Дома холодно.

— Ты звонила в газовую службу?

— Нет, — мотает головой мама, — Позвоню на неделе, а пока мы камином пользуемся, если ночью температура опус-

кается ниже нуля.

— Хорошо, — не спорю и иду на кухню, где Айшат накрыла огромный стол.

Смотрю на все блюда и понимаю, что они готовились к моему приезду с раннего утра или даже с ночи. На столе мясо с картошкой, домашний хлеб, салаты, долма, сыры, мед и огромное блюдо с вишневым пирогом.

— Вы с ума сошли, — произношу с восхищением и сажусь на предложенный стул, — Столько всего...

— Приготовили все, что ты любишь, — скромно отвечает мама, а мне опять хочется расплакаться.

Быстро я сдалась, хотя так тщательно готовилась и настраивала себя перед этой встречей. Но как мало мне надо, лишь бы где-то почувствовать себя в тепле и безопасности.

— Вы пока ешьте, а я пойду камин зажгу, — суется Айшат, но я ловко останавливаю ее и прошу:

— Садись с нами.

— Нет, вы что... — теряется женщина, не привыкшая есть за одним столом с нами.

Айшат появилась в нашей семье задолго до моего рождения. Она пришла в дом Керимовых вместе с мамой и не бросает ее по сей день.

— Садись, Айшат, — подключается мама, — Ты с утра на ногах, ничего не ела.

— Так вы тоже ничего не ели.

Женщины еще какое-то время спорят — кто из них боль-

ше устал и должен быстрее поесть, но обе садятся, и мы, наконец, начинаем пробовать все блюда.

Обед плавно перетекает в ужин, а чай мы пьем уже в гостиной. Айшат все-таки разжигает камин и оставляет нас, потому что не привыкла сидеть допоздна.

А я добровольно пропускаю последний автобус и соглашаюсь остаться на ночь.

— Как у тебя дела в Петербурге? — осторожно начинает мама.

Знаю, что ей дико интересно, но, пока мы ели, она стойко держалась и избегала острые темы.

— Мы развелись с Юрой, — вываливаю все сразу, потому что не вижу смысла юлить и что-то выдумывать.

— Почему? — искренне удивляется она, потому что на Кавказе редко разводятся.

Если вышла замуж, терпи. Если женился, держи жену возле себя.

Семья здесь — что-то нерушимое.

— Он мне изменил.

— Что он сделал?! — в голосе мамы появляются привычные нотки гнева, — Как он посмел изменить тебе?

— Вот так, — пожимаю плечами, — Захотел и изменил. Но я узнала и развелась.

— Все правильно, — неожиданно поддерживает меня мама, поглаживая по руке, а потом в знакомой манере добавляет, — Я найду тебе хорошего и верного мужа...

— Мама!

— Тахир...

— Даже не начинай, — сердито смотрю на нее.

— Ладно-ладно. Не буду. Но с кем ты оставила внучку?

Она с няней в отеле? Может, ты ее к нам привезешь, пока устраиваешься?

— Аня... — в разводе было легче признаваться, — Она сейчас живет вместе с бывшими свекрами. Юра забрал у меня дочь и теперь пытается лишить родительских прав.

Маме требуется пара секунд, чтобы переварить информацию, но уже следом раздается такая порция крепких ругательств на нашем языке, что даже у меня уши краснеют.

Я не знала, что она так умеет выражаться...

— Что значит лишить родительских прав?! — грозно рычит Айна Керимова, удивляя меня своей реакцией.

— Он не хочет, чтобы дочь росла среди кавказских обычаев. Чтобы вышла замуж сразу после школы и стала чьей-то второй женой.

— Чушь! Он просто мстит тебе за развод, — выдает мама, — Или хочет вернуть, шантажируя ребенком.

— Даже если так, то я не вернусь, — мотаю головой.

— Конечно, не вернешься. А внучку мы заберем, ты не переживай.

Мама вскакивает, куда-то убегает, оставляя меня одну, но уже через минуту возвращается с записной книжкой.

— Когда у вас суд?

— Через неделю.

— У тебя есть адвокат?

— Почти.

Адвокат, которого я нашла в интернете, просит очень много, но при этом не гарантирует ничего. Более того, он рекомендовал мне идти на мировую с бывшем мужем и попробовать вернуться к нему, попросив прощение.

— Понятно, — мама понимает меня с полуслова, — У моей одноклассницы младшая сестра училась в Краснодаре на юриста. Помнишь семью Ходжаевых?

— Да, вроде...

Кажется, что-то такое вспоминаю, но все мамины подруги замужем и никогда не работали. Удивительно, что среди них есть адвокат.

— Так вот, Алсу Ходжаева — адвокат по бракоразводным делам. Она хваткая, бойкая, а еще, кажется, ненавидит всех мужчин. Я раньше жестко осуждала ее поведение, но сейчас, Слава Аллаху, рада, что когда-то сохранила номер женщины. Думаю, именно такая тебе нужна, чтобы забрать Аню у этих шакалов.

Глава 13

— Проходите, Фатима.

Офис Алсу Ходжаевой находится в современном бизнес-центре на окраине города, куда я приезжаю прямо к открытию. Мы созвонились вчера, сразу как я вернулась от мамы, и договорились о незамедлительной встрече уже сегодня, потому что до суда остаются считанные дни.

Сегодня среда, а в воскресенье мне нужно возвращаться в Петербург, чтобы попасть на заседание во вторник на следующей неделе.

— Итак, — начинает Алсу, когда я сажусь на предложенный стул напротив нее, — Я изучила за ночь вашу ситуацию, набросала примерный план действий и хочу прямо сказать, Фатима, — и тут женщина так пристально всматривается в мое лицо, что мне становится не по себе, — Борьба за вашу дочь будет страшная. Я бы сказала, кровавая. У вас очень сильные соперники, и тактику они выбрали грязную, но все еще, к сожалению, действенную.

— Да, — от слов Алсу мне страшно и тошно, но она права, — Они пытаются очернить меня перед судом, выставить маргиналом.

— И в данный момент у вас ноль шансов выиграть это дело, — припечатывает меня женщина.

Хочется поступить по-простому — расплакаться, пожало-

ваться на свою несчастную долю и выпросить сочувствие, но тогда можно попрощаться с дочерью.

— Что мне нужно сделать, чтобы эти шансы повысились? — на моем лице холодная уверенность, а в глазах ни намека на слезы, — Точнее — как мне нужно очернить Юру, чтобы понизить его шансы?

Я не буду плакать и убиваться. Ни за что. Я говорила Юре, что он не с той связался, и собираюсь доказать ему это.

— Мне нравится, что вы задаете правильные вопросы, — на лице Алсу появляется довольная улыбка, — Первое, что нам нужно сделать, — это представить суду доказательства, что у вас есть ресурсы на содержание ребенка. И тут я хочу похвалить вас. Найти официальную работу после увольнения по статье так быстро, да еще и в образовательном учреждении — не каждая сможет. Но что насчет постоянного места проживания? У вас есть квартира или дом?

— Будет. Мама оформит на меня дарственную на одну из своих квартир в городе.

— Подходит, — что-то помечает у себя в блокноте Алсу, — Квартира должна быть минимум сорок два квадратных метра на семью из двух человек: родитель плюс ребенок. После первого слушания судья обязательно направит к вам органы опеки. Хорошо, что местные, а не питерские. Так проще пройти все проверки. Чек-лист того, как должна быть обставлена квартира, я отправлю вам после встречи.

— Хорошо, — киваю и не могу не признать, что от уве-

ренного тона Алсу, от ее ястребиного взгляда мне легче, — Я все готовлю.

— Так, дальше, — задумчиво тянет женщина, перекладывая бумажки, — Возьмите на текущем месте работы характеристики. Будет лучше, если отзывы о вас напишут старые и новые клиенты. Это добавит вес к вашему кейсу в суде.

— Подготовлю, — продолжаю послушно кивать.

Начальство точно не откажет, как и старые клиенты. Тахир...

Вряд ли и он будет сопротивляться. Активная работа с Ясмин еще не началась, результатов пока никаких нет, но я надеюсь, что Тахир сделает исключение и напишет отзыв авансом.

— Что у вас на личном фронте? Есть мужчина?

— Это важно? — на мгновение теряюсь, — Я только развелась, у меня никого нет.

— Вы знаете, что ваш бывший муж собирается жениться? — ошарашивает Алсу, — Его новая возлюбленная выложила пост в запрещенной соцсети с кольцом.

Мне все равно, что Юра собирается жениться, да еще так быстро. Удивляет больше сама Алсу, которая настолько тщательно взялась за мое дело.

— Судя по вашему молчанию, не знаете, — заключает женщина, вновь что-то отмечая у себя в блокноте.

— Я не интересуюсь социальными сетями, и на личном фронте у меня ничего нет. Не было времени и желания хо-

дить на свидания.

— На свидания не нужно ходить, — произносит Алсу, отрываясь от своих бумаг, — Вам нужно выйти замуж.

— Замуж?..

— Да, Фатима, замуж. У вашего бывшего мужа скоро появится жена, а значит, полная семья, что намного выигрышнее выглядит на суде, чем мать-одиночка.

— Я не смогу выйти замуж так быстро.

В голосе возражение, но в голове я все равно прикидываю, как можно повернуть эту аферу. У меня нет ни ухажеров, ни даже друзей мужчин, кого бы можно было попросить о таком.

— Вам придется, — отрезает Алсу, — Желательно, чтобы это был кто-то, кого вы знаете, и на кого можно положиться. С хорошей работой, без приводов и судимости, не слишком старый и без первых и вторых жен. У вас есть хоть кто-нибудь на примете?

У меня есть только Тахир — он идеально подходит под описания Алсу, но Догаеву я ни за что не предложу брак. Во-первых, мужчина точно откажется. А, во-вторых...

— Я найду, — отвечаю уклончиво, глотая слюну, чтобы смочить резко пересохшее горло.

— Отлично, — потирает ладоши женщина, — Замуж вам нужно выйти раньше Юрия. Желательно в течение двух недель, но, Фатима, — и тут она делает многозначительную паузу, — На суде вы должны представить доказательства ре-

альности этого брака. Придумайте правдивую легенду, начните вести соцсети и выкладываете туда красивые кадры с вашим будущим супругом. В общем, я думаю, вы понимаете меня?

— Понимаю, — опять киваю и выгляжу при этом уверенно, потому что в голове все же появляется примерный план, как найти мужа за такой короткий срок.

Полное безумие, но на чаше весов моя дочь. Кажется, ради собственного ребенка можно решиться и не на такое?

— Тогда, — Алсу встает, и я вместе с ней, — Я пришлю вам все инструкции, и во вторник увидимся в суде.

— Спасибо вам, — смотрю на женщину с благодарностью, чувствуя внутри робкую надежду.

— За что? — удивляется она, — Подождите благодарить, Фатима. Сначала мы должны выиграть это дело и размазать вашего бывшего муженька.

— За то, что согласились взяться за мою историю.

— Я не могла не согласиться. Терпеть не могу, когда мужчины начинают считать себя властителями мира и издеваются над женщинами. Люблю сбивать с них спесь в суде. А вам советую активнее наращивать броню, потому что все самое интересное нас ждет на следующей неделе.

От Алсу я выхожу пусть не в приподнятом настроении, но и без панических атак. Голова гудит от роя мыслей, сердце будто бьется быстрее, разгоняя горячую кровь по венам.

Ноги шустро ведут меня в ближайшее кафе, где, к счастью, никого нет.

Народ на работе, и до обеда у меня есть примерно час, чтобы спокойно изучить файлы Алсу, а еще позвонить маме.

— Алло, Фатима, — раздается в динамике телефона хриплый женский голос, — Ну как все прошло? Что сказала Алсу?

Приятно, что она волнуется, и интонация у нее действительно искренняя.

— Мама, — сразу перехожу к делу, убедившись, что никто не подслушивает, — У меня к тебе одно серьезное дело. Очень важное. От него зависят мои шансы на успех в суде.

— Я слушаю, — Айне Керимовой не нужно объяснять дважды.

— Найди мне мужа.

Как же смешно звучит моя просьба. Еще пять лет назад я всеми силами боролась с мамой, потому что та отчаянно хотела выдать меня замуж, а сейчас сама и добровольно прошу ее об этом.

— Так... — женщина ожидаемо теряется от моей просьбы.

— Юра собирается жениться на своей любовнице, — таторию в динамик, — И этот брак поможет ему выиграть суд, потому что детей чаще отдают в полные семьи. Мне тоже нужен муж, — на секунду делаю паузу, чтобы перевести дыхание, — Порядочный, с работой, нестарый и без жен. Такой

мужчина, кто без проблем согласится на фиктивный брак на год и сможет подыграть мне в суде.

— Я тебя поняла.

— Найдешь?

— А то! — в трубке раздается смешок, — Ты что свою мать не знаешь? Дай мне пару дней, и я найду тебе самого лучшего мужа.

Глава 14

Уже четверг. До возвращения в Петербург остается несколько дней, и чем ближе это событие, тем сильнее сжимаются мои внутренности. То ли от страха, то ли от предчувствия. Юра и его сумасшедшая мамаша точно готовят для меня сюрпризы — вряд ли они будут ограничиваться на том, что уже натворили.

А пока я, бледная и уставшая, потому что всю ночь изучала документы Алсу, сижу на переднем сиденье джипа Тахира и еду вместе с ним и Ясмин в Краснодар.

Сегодня вечером у нас прием у невролога. Хорошо, что Дмитрий Валерьевич согласился принять Ясмин так скоро, потому что очередь к нему внушительная. Но мы знаем друг друга несколько лет, и мужчину не нужно было просить дважды.

В пять вечера визит к врачу, после Тахир и Ясмин останутся в отеле, а я поеду к Тане и брату. Их недавно выписали из роддома, и мне не терпится увидеть племянников.

А еще поговорить с братом. Посмотреть в его глаза и попросить прощение.

Не за побег, а за молчание все пять лет.

— Во сколько тебя завтра забрать? — тихо спрашивает Тахир, и я понимаю, что все это время, пока плыла в собственных мыслях, смотрела на его руки.

Крепкие, сильные, со вздувшимися венами.

Так, Фатима...

— В любое время, — отрываюсь от рук мужчины и перевожу взгляд на дорогу, — У Тани родились мальчишки, двойня, и им с Арсланом, думаю, нужен покой дома. Не хочу долго утомлять их.

— Ты и утомлять? — усмехается Тахир, заставляя меня вновь повернуть голову в его сторону, — Я думаю, брат по тебе скучал. Сколько вы не виделись?

— Пять лет.

— Юра не отпускал?

— Тебя это не касается, — на мгновение вспыхиваю, но тут же беру себя в руки, потому что на заднем сиденье спит Ясмин, и она не должна проснуться от криков взрослых.

Дети вообще не должны быть ни участниками, ни свидетелями ссор в семье, но моя Аня, к сожалению, стала оружием в руках своего отца. Интересно, Юра хоть любит нашу дочь?

Я уверена, что Аня живет со свекрами, и так будет дальше, если они выиграют суд. Тогда зачем все это?

Это не любовь к своему ребенку, здесь что-то другое. Темное, липкое и уродливое.

— Извини, — шепотом произносит Тахир, а я замечаю, как его руки сжимают руль. До скрипа кожи, словно он в этот момент старается обуздать собственные эмоции.

— Ты все еще не можешь простить меня за тот побег? За

то, что выбрала Юру, а не тебя?

Не самое лучшее время и место, чтобы говорить о прошлом, но в душе вдруг появляется острое желание задать все самые неудобные вопросы именно сейчас.

— Я очень злился на тебя, Фатима, — откровенно отвечает мужчина, и меня радует, что между нами нет попыток юлить и обманывать, — Но я никогда не желал тебе ничего плохого. Ты сбежала, и я лишь хотел, чтобы твоя ставка на этого засранца выиграла. А теперь я злюсь на себя.

— Почему?

Тахир не сразу отвечает. Ему приходится перестроить машину на соседнюю полосу, повернуть и проехать напряженный участок дороги. Только после этого мужчина произносит:

— Надо было тогда задержать тебя. Не дать сбежать с ним. Не слушать тебя и Таню, а сделать по-своему.

— Я бы все равно не вышла за тебя замуж, — качаю головой, вспоминая, как Таня отважно нападала на Тахира, когда тот преградил нам путь и чуть не сорвал мой побег.

— Я бы не настаивал на браке. Все равно твой брат прижал моего отца, и нам пришлось уехать из страны.

— Все сложилось так, как сложилось, — делаю вывод, игнорируя что-то ноющее в груди, — Если бы не мой побег пять лет назад, у меня бы не было Ани, а у тебя Ясмин.

— Да, — кивает Тахир и задумчиво повторяет за мной, — Все сложилось так, как сложилось.

Осмотр у невролога длится два часа, в течение которых Дмитрий Валерьевич тщательно опрашивает Тахира о жизни Ясмин: как проходили роды, когда ребенок перевернулся, сел и пошел, когда впервые заговорил.

Врачу важно сначала провести клинические наблюдения, а только потом нас направят на дальнейшие исследования. Для Ясмин все проходит более чем комфортно — ее просят поиграть, порисовать, и в той же игровой форме Дмитрий Валерьевич проводит несколько тестов на выявление признаков аутизма.

Прием заканчивает тем, что нас отправляют на электроэнцефалограмму и МРТ головного мозга, чтобы исключить структурные изменения в нем, но все это мы можем сделать уже у себя дома. Как и посетить психиатра.

Заключение Дмитрия Валерьевича меня очень радует — у Ясмин нет первичных признаков РАС. Конечно, нужно обследовать дальше, и малышка определенно особенная, но самые страшные опасения исключены.

— Спасибо тебе, — произносит Тахир, останавливая машину перед домом моего брата, и я вижу тихую радость в его глазах, — За то, что согласилась работать с моей дочкой.

Сколько раз я была рядом с родителями, когда они слышали от врачей, что их ребенок болен или, наоборот, полностью здоров. Сколько раз я видела слезы горя или облегчения.

Вот и сейчас меня сбивает мощная волна радости, исходящая от Тахира. Он вроде не показывает, но его любовь к дочери заставляет меня... заплакать.

— Фатима, — в голосе мужчины тревога, а я, как дура, тихонько скулю у него в машине, краем глаза замечая, что, вообще-то, у ворот меня уже ждут.

— Я просто очень рада, что у Ясмин нет аутизма, — бормочу сквозь слезы и быстро выбегаю из машины.

Я правда рада за Тахира, но как же мне хочется тоже почувствовать это родительское облегчение, когда все страшное позади. Забрать из рук свекрови Аню, прижать к себе и унести подальше от этих мерзких людей.

— Фатима? — теперь очередь брата испуганно смотреть на меня, — Что случилось?

— Брат...

Рыдания становятся громче, когда Арслан походит и крепко обнимает меня в ответ. Как ужасно было одной все эти годы и как же хорошо, что у меня есть семья.

На пороге меня встречает не менее встревоженная Таня. Пять лет прошло, а она ни капли не изменилась. Ладно, может, стала счастливее и спокойнее, потому что пять лет назад мы все были как на пороховой бочке.

Дома у Арслана меня кормят вкусным ужином, наливают чай и отправляют в гостевую отдыхать с дороги, пока Таня и брат купают сыновей. Чуть позже появляется Ромка, и я не могу сдержать восторженный возглас, потому что мой пле-

мянник — больше не испуганный малыш, каким я запомнила его. Передо мной взрослый парень, вернувшийся с тренировки по футболу. Высокий, широкий в плечах, но смущающийся из-за потока моих комплиментов.

Вечер проходит идеально, и мысленно я прошу Аллаха, чтобы так было всегда. Чтобы семья моего брата процветала, чтобы мама окончательно нашла покой в сердце, а я воссоединилась с Аней. Я не прошу многого и надеюсь, что мои молитвы будут услышаны.

— Вы не против, если я пойду прилягу? — просит уставшая Таня.

Сложная беременность, не менее сложные роды и теперь два младенца на руках — не каждая справится с такими испытаниями, но у Тани есть Арслан, и я с белой завистью наблюдаю, как они поддерживают друг друга.

— Я приду через час, — шепчет жене брат, не сводя с нее глаз, — Заменю тебя на посту.

— Хорошо, любимый.

Они быстро целуются, а я отворачиваюсь к окну, чтобы с грустью осознать, что у меня вряд ли так будет. Даже если на моем пути когда-нибудь встретится порядочный мужчина с искренними намерениями, я все равно не смогу перебороть внутренние страхи.

А что, если мне опять изменят, обманут или попробуют навредить дочери?

Нет. Я не смогу. Я все время буду ждать подвоха.

— Фатима, — зовет брат, аккуратно касаясь моей руки.

— Я... задумалась.

Таня ушла к детям, Ромка рубится с одноклассниками в компьютерной игре. Мы остались с братом одни, и лучше времени поговорить уже не будет.

— Я навел справки о тебе и Юре, — Арслан себе не изменяет и сразу переходит к делу, — Но все же хочу услышать эту историю из твоих уст.

— Ты сердишься на меня? — немного отхожу от темы, задавая главный для меня вопрос.

— Сначала я сердился, — усмехается своим мыслям брат, — Очень сердился и даже хотел вернуть тебя, но после понял, что моя злость — это форма страха за младшую сестру. За то, что чужой мир не примет тебя. Фатима, ты — положительный герой. Добрая, справедливая. А Юра...

— Отрицательный? — моя очередь усмехаться, — Как вы подружились? Он и тебя очаровал своими речами?

— Юра сложный, — замечаю, как Арслан напрягается, как смыкаются его губы в моменты пауз, — Себе на уме. Он точно не принц на белом коне, хотя очень любит спасать принцесс из замка с драконом.

Я уже слышала эту метафору, и пять лет назад она меня очень бесила. Тогда Юра был самым настоящим принцем, спасителем, первым мужчиной, который смотрел на меня так... что ноги подкашивались. А Арслан казался тем самым драконом, который пытается разлучить меня с моим

принцем.

— Мы подружились на почве того, что Юре, как обычно, нужны были приключения, — продолжает брат, — Он взбунтовался, пошел против родителей и напросился работать у меня. Работал хорошо, здесь врать не буду, и я это ценил.

— Он умеет создать хорошее впечатление о себе, — делаю вывод.

— Очень хорошо умеет, — кивает Арслан, — И он будет пользоваться этим в суде, Фатима.

Тут в моей голове всплывает разговор с Алсу — мы должны опередить Юру, ударить по нему его же оружием. Понизить его шансы в суде и за счет этого повысить мои.

— Ты сможешь создать проблемы моим бывшим свекрам?

Без родителей Юра — обычный балабол. Уверена, если бы не свекры, он бы, возможно, не пошел на эту авантюру с похищением Ани.

Не хватило бы смелости.

— А моя Фатима повзрослела, — на лица Арслана загорается коварная ухмылка.

— Я просто хочу забрать у них дочь.

И если ради этого придется пойти по головам и замараться, я готова.

— Заберешь, — Арслан накрывает своей рукой мою, сжимая в знак поддержки, — Кто идет против Керимовых, тот

неминуемо проигрывает.

Это фраза отца.

Ахмет Керимов был жестоким человеком, и его жестокость особенно часто проявлялась в воспитании детей, но впервые я согласна с папой.

Юра проиграет.

Глава 15

Санкт-Петербург — невероятный город. Мощный, величественный — дух захватывает, когда смотришь на все эти дворцы, храмы и бывшие доходные дома.

В свой первый приезд сюда я забывала дышать от восторга, гуляя по старым улочкам и стирая ноги в кровь. За пять лет в Петербурге у меня появились любимые парки, набережные и пекарни, а особый восторг вызывали поездки за город. Желательно к берегу Финского залива.

Жаль, что город теперь вызывает совершенно иные ассоциации: страх, ненависть и желание поскорее решить все дела и не задерживаться.

Мы с Алсу прилетели вчера вечером, суд уже завтра, и я трачу весь сегодняшний день, чтобы отрепетировать свое поведение на заседании.

Как на всех смотреть, что говорить? Улыбаться, чтобы расположить к себе судью, или, наоборот, выглядеть грустной для сочувствия?

— Бред! — с шумом выдыхаю и падаю на кровать.

Какой же это цирк! Завтра мне весь день придется доказывать чужим людям, что я люблю свою дочь и достойна ее воспитывать. И все потому, что Юра и его родители вот так просто решили отобрать у меня ребенка.

Прикрываю глаза, чтобы унять головную боль, и лежу так

несколько часов, то погружаясь в сон, то выплывая обратно. Алсу рекомендовала хорошо выспаться, поесть и не приходить в болезненном виде.

Важна даже одежда в моей ситуации — нельзя прийти на заседание в юбке и рубашке. Нужно платье. С простым кроем и не слишком кричаще-дорогое. Волосы следует собрать в пучок. На лице — минимум косметики, но и совсем не краситься тоже нельзя.

Судья должен увидеть во мне уверенного, обеспеченного и взрослого родителя, чтобы мой внешний вид опровергал все небылицы, которые про меня рассказывают бывшие свекры.

Вся эта информация была в инструкциях моего адвоката. Меня будут оценивать по одежке, поэтому нужно выглядеть хорошо.

Переодеваюсь в пижаму, ложусь под одеяло и даже начинаю засыпать. Тело приятно расслабляется, голова больше не гудит — еще минута, и я погружусь в долгожданный сон.

Только вот уснуть мне не дают. Звонит телефон, и мелодия звонка проходит по моим оголенным нервам, заставляя подскочить с кровати и застонать от нового прилива головной боли.

Это Юра. Ну, конечно.

Только он может звонить вот так бесцеремонно в любое время суток, словно я в его рабстве и обязана подчиняться беспрекословно.

— Не спишь? — раздается в динамике насмешливый голос.

— Если ты позвонил, чтобы угрожать мне или в чем-то обвинять, то давай не будем тратить время друг друга.

Как же мне не хочется разговаривать с Юрой — даже слышать его голос тяжело. Жалею, что вообще ответила на звонок, но у него моя дочь, поэтому приходится отвечать.

Тошно от того, до чего мы докатились. И тошно от себя, потому что диплом психолога не помог выявить страшное в зачатке.

— Звонил узнать, как у тебя дела?

— Нормально, — отвечаю сухо, вспоминая очередную рекомендацию Алсу.

Нельзя враждовать с Юрой, нельзя накалять отношения с его родителями. Мне нельзя даже во время этого разговора сказать что-то лишнее, потому что каждое мое действие может быть использовано против меня в суде.

Паника набирает обороты, и мне начинает казаться, что этот разговор Юра записывает.

А почему нет? Сколько раз он и его хитрая мать загоняли меня в ловушку.

— Готова проиграть? — опять усмешка, словно он у меня игрушку пытается отнять, а не ребенка.

— А ты?

— Я никогда не проигрываю, любимая Фатима, — хохочет Юра, — А звоню я тебе, чтобы пожалеть и...

— Спасибо, но жалеть меня не нужно, — как же тяжело сохранять дипломатичный тон, когда хочется кричать и угрожать в ответ.

— Тем не менее я собираюсь предложить тебе мировую. Сердце на секунду замирает от слова «мировая», но разум тут же возвращает с небес на землю.

Это подвох. Даже через телефон я чувствую, что меня собираются обмануть, воспользовавшись материнской любовью, но любопытство перевешивает страх.

— Ты отдашь мне дочь?

Простой вопрос. И это единственный вид мировой, на которую я готова согласиться.

— Я позволю тебе видеться с ней чаще, — загадочно произносит Юра, — И я озвучиваю это предложение лишь раз, Фатима.

— О чем ты?

По телу проходят неприятные мурашки. Резко в комнате становится так холодно, что хочется нырнуть обратно под одеяло, но в то же время ноги намертво прирастают к полу.

— Просто будь послушной девочкой. Возвращайся ко мне, и мы забудем прошлые обиды.

— В каком статусе? — теперь из меня вырываются смешки, — Ты вроде жениться собираешься.

— Собираюсь, — без стеснения заявляет Юра, — Но одно другому не мешает.

Какой интересный круговорот измен в природе получает-

ся! Жена и любовница меняются местами.

Предложение Юры не оскорбляет и не пугает меня. Странно, но мне становится смешно от его слов, и я даже начинаю подыгрывать.

— Хорошо. Я соглашусь, и твоя мама завтра же возвращает мне дочь?

Эх, жалко, что я сама не включила запись звонка. Полезно было бы послушать это безумие в суде.

— Не все сразу. Сначала ты докажешь, что умеешь хорошо себя вести, а после мы будем обсуждать, где и с кем останется Аня. А пока я позволю тебе видаться с ней чаще. Например, завтра после обеда можем все вместе погулять в парке.

Хочется послать Юру, громко рассмеяться ему в ответ, но я молча завершаю вызов и перевожу телефон на беззвучный режим.

Добровольно он никогда не отдаст мне дочь, сделав ее предметом своих манипуляций. Поэтому остается только одно, как сказала Алсу, — грязно и кроваво бороться за свое материнство.

Глава 16

— Запомни, Фатима, — Алсу дает мне последние указания перед тем, как мы зайдем в зал суда, — Сохраняй ясную голову, не ведись на провокации. Там, — показывает рукой на дверь, — Тебя будут очернять, представлять в худшем свете. Они достанут все ваше грязное белье на всеобщее обозрение. Но на первом заседании, несмотря на все обвинения и доказательства, тебя никто не лишит родительских прав. Такая процедура у нас в стране. Сначала органы опеки дают родителю шанс исправиться, а уже после принимают решение.

Алсу показывала мне материалы дела. Петербургские органы опеки посещали ту коммунальную квартиру, где я жила в последний раз. Грязную, темную, вонючую — фотографии специально сделаны так, чтобы сильнее подчеркнуть убогость этого места, а в моей комнате вообще хаос: горы мусора, бутылок, каких-то тряпок. Юра и его родители постарались создать красивую картинку моего неблагополучия.

А еще они привлекли в качестве свидетеля владельца квартиры, где я жила до коммуналки. С его слов, он выгнал меня, потому что я устроила из его жилплощади притон.

— Я готова, — во мне столько ярости сейчас, но я направляю это чувство в правильное русло.

Суд начинается с формальностей: нам зачитывают на-

ши права, судья озвучивает цель заседания, проверяет явку участников.

«Судебное заседание объявляется открытым...», — звучит строгий голос, и первый раунд этой битвы начинается.

Сначала выступает адвокат Юры. Он пафосно рассказывает суду, почему мы здесь собрались, как Юра переживает за дочь и почему хочет оградить ее от моего «пагубного влияния». На стол судьи передаются фотографии и свидетельские показания.

Я сохраняю спокойствие, потому что все это уже читала. Наша тактика на сегодня — выслушать претензии другой стороны и отразить их контраргументами.

Пока адвокат Юры продолжает распинаться, а Алсу записывает за ним, я без стеснения смотрю на бывшего мужа и его родителей.

Они выглядят так, будто уже выиграли процесс. Сидят с прямыми спинами, смотрят только на судью, меня в упор игнорируют. Конечно, если твоя мать — районный судья, коллега и близкая подруга судьи моего процесса, а отец — уважаемый депутат, то тебе не о чем переживать.

И Юра не переживает, а после вчерашнего звонка он всем своим видом показывает, что я еще приползу к нему на коленях просить пощады.

Только вот я не приползу, и сижу я тоже с прямой спиной, не смея опускать голову перед ощутимым давлением адвоката, прокурора и органов опеки.

— Адвокат ответчика, — обращается к Алсу судья, — Ваше слово.

Алсу резко закрывает свой ежедневник, поправляет платок на голове и встает. Заметно, как кривится свекровь, когда смотрит на хиджаб моего адвоката. В глазах судьи тоже настороженность, но женщине хватает ума сдерживать свои истинные чувства.

Алсу же как будто считывает их эмоции и наслаждается этим, судя по едва заметной улыбке.

— Уважаемый судья и участники процесса, — начинает она, а у меня все внутренности сжимаются от страха и предвкушения, — Предоставленные фотографии, безусловно, шокируют. Такие условия не подходят для проживания ребенка. Но среди материалов дела я не нашла никаких доказательств, что моя подзащитная проживает именно здесь. Кроме того, органы опеки не уведомляли нас о своем визите. Процедура нарушена, поэтому снимки нельзя использовать против матери ребенка. Фатима Керимова проживает в прекрасной трехкомнатной квартире в тихом, семейном районе, и мы готовы показать суду реальные условия.

Первый контраргумент пошел в ход, и адвокат Юры ожидаемо вскакивает:

— У нас есть свидетели, которые подтверждают, что ваша подзащитная жила в этой коммунальной квартире!

— Кто? — усмехается Алсу, — Женщина с низкой социальной ответственностью, мужчина с алкогольной зависимо-

стью или бабушка, у которой явное психическое расстройство?

Это определенно один-ноль в нашу пользу, и мне приходится прилагать усилия, чтобы не улыбаться.

— Мы обязательно пригласим органы опеки проверить текущие условия проживания матери, а пока давайте дальше, — явно недовольно реагирует судья.

Наверное, Ольга Дмитриевна пообещала ей, что это будет красивый и быстрый бой, а в результате все идет не по плану.

— Информацию об официальном месте работы, а также характеристики Фатимы Ахметовны мы приложили к материалам дела, — продолжает Алсу, — Не хочу тратить время суда, но опять я подчеркиваю, что представленные доказательства истца не соответствуют действительности...

— Возражаю! — вскрикивает адвокат Юры, — Фатима Ахметовна поступила хитро. Она вернулась в родную республику, где у нее есть связи и огромное количество родственников, и там устроилась на работу по блату. Уважаемый суд, невозможно после увольнения по статье так легко найти работу, еще и с больными детьми.

— Прошу не использовать определение «больные» к особенным детям. Это первое, — ловко подхватывает Алсу, — А второе — мы уже оспариваем прошлое увольнение. Оно было незаконным.

— Принято, — нехотя кряхтит судья, признавая, что оскорбления по отношению к детям неуместны, и я впервые

вижу, как маска уверенности на секунду слетает с лица све-
крови, — Продолжайте.

Алсу продолжает, а я молча жду, когда все закончится. Первое заседание не решит судьбу моей дочери, мне еще нужно будет предоставить кучу доказательств, что я могу воспитывать Аню, но пока все идет как надо.

— Таким образом, — завершает Алсу, — Право опеки над дочерью должно остаться у Фатимы Ахметовны. Она хорошая мать, опытный педагог-психолог, который знает, как взаимодействовать с детьми. У нее есть все условия, чтобы воспитывать дочь в здоровой обстановке.

— Хорошо, я вас выслушала. Садитесь, — отвечает судья, которой с каждой минутой все труднее сдерживать свое недовольство, — Истец, вам есть что добавить?

Алсу возвращается ко мне, и мы обе внимательно смотрим на адвоката другой стороны, который о чем-то оживленно переговаривает с Юрой и Ольгой Дмитриевной.

— Мне это не нравится, — шепчу я Алсу, когда Юра кивает, и его адвокат встает.

— Можем задать пару вопросов Фатиме Ахметовне?

Я была готова к этому, но поджилки все равно начинают трястись.

Встаю, расправляю несуществующие складки на строгом черном платье и под внимательным взглядом судьи жду вопросы адвоката.

Мужчина долго что-то перебирает в папке с документами,

достает листок и передает его судьбе. А та, в свою очередь, вчитывается в документ и хмурится.

— Фатима Ахметовна, — обращается он ко мне с приторно-сладкой улыбкой, — Подскажите, ту прелестную квартиру вам подарила мама?

— Да.

— Вы с ней общаетесь? Насколько близко?

Хочется ответить: «Какое ваше дело?». Но Алсу учила по-другому — отвечать на любые вопросы кратко и спокойно.

— Да, общаюсь, — отвечаю на первый вопрос и игнорирую второй.

А адвокат тем временем идет в наступление:

— Скажите, вас били в детстве?

— Возражаю, — подключается Алсу, — К суду этот вопрос не имеет никакого отношения.

Судья соглашается, но процесс уже запущен. Я догадываюсь, что делает Юра — он прекрасно знает, как часто мне доставалось от мамы, потому что сам был свидетелем ее жестокости, и теперь активно использует это на заседании.

— Уважаемый суд, я объясню, почему задаю такие вопросы, — оправдывается адвокат бывшего мужа, — Все дело в том, что Фатима Ахметовна подвергалась насилию со стороны родителей все детство и даже во взрослом возрасте. Она сбежала из дома с моим клиентом пять лет назад из-за регулярных побоев и принуждения выйти замуж за того, кого ей выбрали старшие родственники...

Мужчина говорит, а меня начинает мутить из-за его слов. Спазм охватывает горло, а желудочный сок неприятно жжет пищевод.

— Фатима Ахметовна, — вмешивается судья, поднимая в руках тот документ, который ранее передал ей адвокат Юры, — Вы правда избивали свою двухлетнюю дочь?

Суд мгновенно превращается в цирк. Судья здесь точно не на моей стороне — она активно подыгрывает свекрам, помогая тем победить.

— И я об этом, — продолжает адвокат, пока я смотрю то на него, то на Алсу, — Дети часто перенимают характер родителей и во взрослом возрасте воспитывают собственных детей таким же образом. Анечка Савина, двухлетняя девочка, уже знакома с тяжелой рукой матери. А что будет, когда ребенка увезут на Кавказ к деспотичной бабушке?

Разворачивается настоящая драма, которую я не в силах остановить. Суд заканчивается на том, что мне нужно будет пройти психолого-психиатрическую экспертизу и показать свои жилищные условия органам опеки.

Нам дают еще две недели, и за это время Алсу будет оспаривать новые доказательства, которые пока нельзя использовать против меня, потому что по ним не было ходатайства.

— Скорее выходи замуж, Фатима, — наставляет меня женщина, пока мы едем в такси до отеля, где обе остановились, — И подготовь мне список фактов о бывшем муже, которые мы также можем использовать в суде.

— Они смогут доказать, что я была дочь?

Конечно, это ложь, но суду плевать, если свекры и Юра будут достаточно убедительны.

— У них есть фотофиксация и заключение врача, — с сожалением произносит Алсу, но тут же спешит объяснить, когда видит ужас в моих глазах, — Фатима, не переживай. Дети в два года часто падают и травмируются. Скорее всего, эти синяки появились после падения, и Савины этим воспользовались. Не думаю, что твоя свекровь, возомнившая себя мамой Ани, бьет ее ради выигрыша в суде.

Алсу продолжает успокаивать меня, но все мое внимание на телефоне в руках.

Экран загорается, и на нем появляется одно короткое сообщение:

«Мое предложение еще в силе».

Глава 17

Сложно описать, в каком состоянии я возвращаюсь в свой номер.

Разбитая, не просто физически уставшая — ощущение, что кто-то высосал из меня всю жизнь до последней капли.

Мы с Алсу прощаемся до завтра, а сегодня остаток дня она рекомендует мне проспать. Ничего не делать, никуда не ходить и много не думать. Выпить снотворное и поскорее заснуть.

Все, что могли, мы сегодня сделали.

— Ты молодец, — напоследок говорит женщина.

— Какие у меня шансы теперь? — усмехаюсь, потому что прекрасно понимаю, что мои шансы уже даже не на нуле. Они ушли в минус.

Стоит только вспомнить наигранно возмущенное лицо судьи, когда она обвиняла меня в рукоприкладстве.

Но Алсу удивляет:

— Думаю, процентов двадцать мы заработали.

— Серьезно? Даже после обвинений, что я бью дочь?

— Эти обвинения косвенные, — отмахивается женщина,

— Они не смогут всерьез использовать их против тебя.

— А фотографии?

— Какие? Ребенка с синяками на ногах?

Честно, я не смотрела на снимки, пока мы были в здании

суда. Не смогла. Побоялась увидеть там что-то страшное, а сейчас понимаю, что смалодушничала.

— Фатима, эти фотографии нужны только ради шумихи и драмы, — успокаивает Алсу, — Я уже к следующему заседанию сделаю так, что та сторона не сможет использовать их против тебя. Прими горячий душ, включи комедию и усни под нее. Не думай об этих синяках. На фотографиях четко видно, что Аня просто упала. Дети в этом возрасте постоянно ходят в ссадинах.

Слова Алсу помогают мне подняться в номер, раздеться, принять душ и, завернувшись в пушистое банное полотенце, сесть на кровать. А дальше адреналин, на котором я жила с момента пробуждения, заканчивается, и разум вместе с телом погружается в апатию.

Сижу так, наверное, час или больше. Мышцы каменеют от усталости, волосы высыхают при комнатной температуре и напоминают воронье гнездо из кудряшек. Во рту тоже пересыхает. Очень хочется пить.

Скидываю с себя полотенце, быстро надеваю халат и достаю из сумочки расческу, чтобы привести волосы в порядок. Начинаю с передних прядей и медленно иду к задним.

Волосы с трудом поддаются моим манипуляциям, расческа все время застревает и больно дергает кожу головы. Когда она застревает в очередной раз, я не выдерживаю.

Со всей силы вырываю запутавшийся клочок, откидываю

расческу и дергаюсь, когда телефон, оставленный на кровати, начинает звонить.

Это Юра.

Он терпеть не может, когда его сообщения остаются без ответа. Злится настолько сильно, что начинает орать, и все это заканчивается выговором.

Раньше я подстраивалась, старалась с пониманием относиться к его реакции, считая, что он так волнуется. Но сегодня...

И ведь ему плевать, что мы развелись.

— Что еще тебе от меня нужно? — все-таки взрываюсь, хватаю телефон и начинаю орать в динамик, — Тебе напомнить, что мы развелись, и я не обязана отвечать на твои звонки и сообщения? Отвали уже от меня, Юра. Слышишь?! Я ни за что на свете не вернусь к тебе. Ни в каком качестве. Можешь засунуть свое предложение в задницу! А дочь я заберу. Даже не сомневайся и передай своей безумной мамаше, чтобы не строила никакие планы на нее!

Заканчиваю тираду и быстро завершаю вызов, отбрасываю от себя смартфон.

Слезы начинают жечь щеки. Я не хотела плакать, настраивала себя на другие эмоции, но психика не выдерживает такую нагрузку. Меня прокатили на эмоциональных качелях, и сил хватает только на слезы.

Рыдаю громко и долго, периодически переходя на вой. Задыхаюсь и за истерикой не слышу, как в дверь стучат. На-

стойчиво — еще секунда, и выбьют дверь.

Если это Юра...

Я убью его прямо тут.

Забыв все заветы Алсу, встаю, добегаю до двери и распа- хиваю ее, чтобы в следующее мгновение запнуться на ров- ном месте и полететь прямо на пол.

— Фатима, ты чего?

Меня ловят, помогают вернуть равновесие, но крепко дер- жат за руки для подстраховки.

— Тахир? — вылетает из меня удивление, — Откуда?..

Мужчина ловко хватает меня за талию, поднимает и заносит в номер, закрывая за собой дверь.

— Это я звонил, не Юра, — встревоженно объясняет Та- хир, — А, когда услышал крики в трубку, решил подняться и проверить тебя. Опережая все вопросы, — спешит доба- вить он, — Я в Петербурге по делам, а адрес отеля дала мне твоя мама. Она переживает за тебя и попросила после суда проверить лично.

М-да.

Представляю, какую картину сначала услышал, а потом увидел Тахир. А я ведь думала, что за дверью Юра, поэтому схватила ту злосчастную расческу и хотела кинуть ее в лицо бывшего мужа.

Ну а с мамой мы позже поговорим. Я не просила ее об этом. Только Тахира здесь не хватало.

— Извини, — мгновенно прихожу в себя, возвращаю рас-

чески на прикроватную тумбочку и плотнее запахиваю халат, — Я перепутала тебя с ним.

— Как прошел суд?

Тахир остается подпирать стену в другом конце номера, а я подхожу к маленькому окну и начинаю рассматривать город с высоты четвертого этажа.

— Дерьмово, — не стесняюсь в выражениях, — Они обвинили меня в рукоприкладстве. Что я избивала свою дочь, потому что в детстве меня саму избивала мама.

— Тогда переходим к плану «Б»?

— К какому? — от любопытства даже поворачиваюсь обратно к Тахиру.

— Я просто еду к Юре и убиваю его, — ухмыляется мужчина, а я не понимаю ни по мимике, ни по глазам — он шутит или всерьез.

— Не говори глупости, — отмахиваюсь от его предложения, — Тебе еще дочь растить. К тому же у Юры мама в суде работает, а отец — депутат. За убийство единственного сына они сотрут нас в порошок.

— Не сотрут, — продолжает он, — Ты же знаешь, никто не будет конфликтовать с кавказцами. Заберем твою дочь и уедем домой. Там нас никто не достанет.

— И ты готов так рисковать ради моего ребенка? — немного перевожу тему, пока Тахир всерьез не начал планировать покушение на Юру, — Не слишком много чести для той, которая отказала тебе и сбежала?

Тахир пятилетней давности обязательно бы вспыхнул и начал огрызаться, не справляюсь со своим громким кавказским нравом. Новый Тахир никак не реагирует и пристально смотрит на меня.

Между нами повисает пауза, и только сейчас я понимаю, что стою перед мужчиной в одном халате на голое тело. Под махровой тканью нет никакого белья, что для нашего консервативного общества является безумием.

А еще мы вдвоем в тесном номере: оба напряжены и не знаем, куда направить негативную энергию.

Резко становится жарко. Голые коленки печет под блуждающим взглядом Тахира. Кажется, что он слышит мои мысли и начинает думать о том же. Глаза мужчины опускаются к моим босым ступням, но уже через секунду поднимаются выше по халату и останавливаются на губах.

Тахир отталкивается от стены и начинает медленно двигаться на меня. Нас разделяет всего пара метров, еще можно убежать и спрятаться, но я остаюсь на месте.

Разум отключается, тело наливается свинцовой тяжестью, а перед глазами все плывет. Я с трудом вижу, как мужчина опускается передо мной на колени, как прижимается лицом к животу, как проводит руками по моим голым ногам, сжимая ягодицы.

Халат чудесным образом развязывается, Тахир стягивает его с моих плеч, оставляя полностью обнаженной.

Я открыта, максимально уязвима перед ним, но Догаев

все еще на коленях, наблюдая за моей реакцией снизу, и это так... горячо.

Первый стон вырывается, когда губы мужчины касаются живота. Влажный язык обводит пупок и незамедлительно опускается ниже.

Второй стон рваный и громкий, потому что Тахир начинает ласкать меня ртом там, где особенно сильно все горит и сжимается.

Туман перед глазами становится гуще, с висков стекают капельки пота, а руки до побелевших костяшек сжимают подоконник.

Волна удовольствия накрывает с головой, заставляя меня забыть обо всем. Суд, Юра, обвинения — это все где-то там далеко, не со мной.

На секунду открываю глаза, когда оказываюсь в горизонтальном положении на кровати. Тахир уже без одежды — он дышит также тяжело, но не спешит, жадно пожирая меня своими черными глазами.

— Иди ко мне, — бесстыдно тяну руки, забывая обо всех приличиях.

О последствиях я буду думать после. Сейчас мое тело хочет почувствовать тяжесть тела мужчины, и Тахира не нужно просить дважды.

Кровать жалобно скрипит под его весом, горячая кожа с короткими жесткими волосками прижимается к моей чувствительной коже.

Назад дороги нет, но мы оба охотно проваливается в этот омут.

Глава 18

Переключаю кран на тропический душ и подставляю тело под поток воды. Смываю усталость сегодняшнего дня, страхи и боль. Смываю пот после дикого секса с Тахиром Догаевым, но одно никак смыть не могу — его запах.

Он въелся в кожу, волосы и дыхание — горький и сладкий одновременно. Восточный, но не удушающий.

Я ни о чем не жалею.

Да, глупо. Да, непрофессионально, потому что за связь с родителем ученика меня могут уволить по статье и уже заслуженно. Да, у этого будут последствия, однако прямо сейчас я намерена выйти из ванной и поговорить с Тахиром, как взрослые люди.

Это просто секс. Между двумя взрослыми и свободными людьми. Мы ничего друг другу не обещали и ни на что не намекали.

Мне нужно было выпустить пар, и Тахир предложил самый лучший способ.

Вот и все.

Выбираюсь из душевой, надеваю халат и выхожу, ожидая, что мужчина будет лежать на кровати, где я его оставила двадцать минут назад.

Но нет.

— Уходишь?

Тахир оделся, привел себя в порядок и сел в то же кресло, ожидая меня.

— Да, — кивает, — Завтра рано утром у меня еще одна встреча по работе. Нужно выспаться.

Все правильно, и следовало бы с облегчением выдохнуть, ведь Тахир понимает мои желания без слов. Но в то же время внутри неприятно царапает.

Женщина во мне хочет обсудить случившееся, но разумно разойтись и сделать вид, что ничего не было.

— Хорошо. Спасибо, что навестил меня.

— Не за что, — опять чему-то усмехается Тахир, но я делаю вид, что очень занята открыванием окна.

Нужно срочно проветрить комнату, чтобы не вдыхать всю ночь запах мужчины и не накручивать себя дурацкими мыслями. Пока возжусь со ставнями, Тахир встает, надевает обувь и куртку.

Поворачиваюсь обратно, а он уже в дверях.

— А что за дела у тебя в Петербурге? — вырывается из меня в последний момент.

— Заключаю договор с новым поставщиком из Китая. Точнее — с его представителем в России, чей офис находится в Питере.

— А Ясмин с кем?

— С няней.

— Она легко переносит ваши разлуки? — пора заканчивать эту милую беседу, но я зачем-то продолжаю.

— Фатима, — на лице Тахира появляется едва заметная улыбка, — Предлагаю завтра вечером встретиться в твоём любимом ресторане и продолжить допрос там.

Щеки тут же обжигает краска стыда, и я мысленно даю себе по губам за чрезмерное любопытство. Но внешне держу себя в руках и даже нахожу силы ответить спокойно, словно я нисколько не смущена.

— Паруса на крыше, — называю первый попавшийся ресторан, куда однажды водил меня Юра, чтобы впечатлить заведением высокого уровня, — Завтра в семь я буду ждать тебя.

Тахир делает резкий выпад вперед, хватая меня за талию и тянет на себя, заставляя привстать на носочки и ответить на его поцелуй.

— До завтра.

Тахир уходит, а я еще какое-то время стою в коридоре то ли в ужасе, то ли в восторге.

На часах одиннадцать вечера, уже точно пора ложиться спать, но как уснуть, когда в этом номере случилось такое.

Меня распирает от эмоций, дико хочется поделиться с кем-то, но только с кем?

Начинаю ходить из угла в угол, попутно поправляя постельное белье на кровати, хватаю телефон и обратно его убираю на тумбочку. Причесываю волосы, пока те опять не превратились в барашка, и долго рассматриваю себя в зер-

кале.

Глаза лихорадочно блестят, будто я сошла с ума. На щеках нездоровый румянец. А еще сердце в груди бьется чуть чаще, чем обычно.

С Юрой мне казалось, что я немного холодна в сексе. Да, было приятно, в отдельные моменты даже очень хорошо, но внутри меня существовали рамки, не позволяющий пойти дальше.

Сегодня все рамки полетели к чертям.

И какое же счастье, что мой телефон загорается сообщением от единственного человека, с кем я могу обсудить то, что натворила.

Таня: *Дорогая, позвони мне, как сможешь. Хочу узнать, как прошел суд.*

Хватаю смартфон, нахожу нужный номер в контактах и нажимаю на значок вызова.

— Привет, — Таня отвечает сразу, — Извини, дети орали весь день. Мы только уложили их спать, и я смогла тебе написать. Как все прошло?

— Штатно, — делюсь сухими фактами, — Юра и его родители обвинили меня во всех смертных грехах, а Алсу, мой адвокат, заверила, что их обвинения косвенные. Она все оспорит на следующем заседании через две недели.

— Охх... А Аню тебе дадут увидеть?

Вопрос Тани резко возвращает меня с небес на землю.

— Обязаны, — отвечаю уже менее уверенно, — В пятни-

цу бывшая свекровь должна передать мне Аню на выходные. Алсу говорит, что они могут опять придумать кучу способов не делать этого, но мы постараемся договориться и все решить мирно.

К сожалению, мне нельзя ворваться в их квартиру и потребовать увидеть дочь. Любое мое резкое действие будет использовано против меня в суде.

Поэтому только показное дружелюбие, ядовитые улыбки и попытки договариваться, действуя в рамках закона.

— Не переживай. Если не получится решить все законным путем, мы перейдем к плану «Б», — усмехается Таня, а я чувствую дежавю, потому что несколько часов назад кое-кто мне уже говорил про план «Б».

— Арслан тоже хочет убить Юру?

— Тоже? — с любопытством спрашивает Таня, игнорируя все остальное в моем вопросе, — Так-так... А кто еще хочет убить твоего бывшего мужа?

Перед глазами вспышками проносятся воспоминания прошлого: как Таня сорвала мои смотрины с Тахиром пять лет назад, как позже помогла сбежать от него с Юрой. А чего только стоит попытка Тахира и его младшего брата Халида украсть девушку, чтобы отомстить ей за их сестру Лайлу. Сюда еще нужно добавить эпизод, как Халид Догаев угрожал Роме, старшему сыну Тани, расправой только за факт рождения племянника.

С чего я вообще решила, что могу поделиться с ней та-

ким? Да она убьет меня за связь с Тахиром.

— Никто, — пытаюсь увернуться от ответа, но Танино любопытство уже не остановить.

— Фатима, кто он?

— Таня, я...

— Рассказывай сейчас же, пока твой брат с Ромой играют в стрелялки.

Вздыхаю и с трясущимися поджилками произношу:

— Я сегодня после суда переспала с Тахиром Догаевым.

В трубке повисает молчание, но я даже на расстоянии чувствую, с каким трудом Таня обрабатывает в голове услышанное.

— С кем ты переспала?

— С Тахиром... — трусливо повторяю, аж вжимая голову в плечи, будто жена моего брата стоит рядом, готовясь прибить меня.

— Ах***ь! — в итоге заключает она после очередной паузы.

— Согласна.

Глава 19

На сборы в ресторан у меня остается меньше часа. Тахир заедет за мной к семи, а я только залетела в номер после дня, проведенного вместе с Алсу.

С утра мы оспаривали мое увольнение по статье, угрожая бывшему работодателю расправой. Точнее, это Алсу угрожала ему умными словами, а я стояла рядом и с довольным видом наблюдала за всем. Предстоит еще один суд, чтобы очистить мою репутацию и трудовую книжку, но процесс запущен, и Юра не сможет использовать этот аргумент против меня на следующем заседании.

А вот что он пытается активно продвигать, так это мою невменяемость и агрессию. Бывшие свекры настаивают на прохождении психолого-психиатрической экспертизы в Петербурге, но мы с Алсу понимаем, чем это чревато. Здесь меня быстро признают неадекватной — можно не рассчитывать на честные результаты. Но, к счастью, и в этом случае закон оказывается на моей стороне — экспертизу я буду проходить дома по месту прописки. Сразу, как вернусь после выходных, проведенных с Аней.

Наконец, я увижу дочь. Ольга Дмитриевна уже начала придумывать нелепые причины, почему она не отдаст мне ребенка, но ей пришлось сдаться, когда Алсу намекнула, что мы придем за Аней с органами опеки и в последующем такие

выходки свекрови дорого обойдутся ей в суде.

Я безумно довольна тем, как идет весь процесс.

А пока душ, жалкие попытки красиво уложить волосы и накраситься. Останавливаюсь на том же платье, в котором была на заседании, потому что не взяла с собой ничего нарядного. Волосы оставляю в покое распущенными, на бледное лицо наношу немного румян, а глаза подчеркиваю тушью и аккуратной стрелочкой.

Готово.

До приезда Тахира остается пять минут, и я, закончив крутиться у зеркала, выбегаю навстречу мужчине. Вчера после секса я хотела серьезных разговоров, сегодня у меня другое настроение: вкусно поест, поболтать на отвлеченные темы и прогуляться по уже весеннему городу.

Наш вечер примерно так и начинается.

Тахир встречает меня с расслабленной улыбкой на лице, водитель такси шустро проезжает вечерние пробки и высаживает нас у ресторана.

Выхожу из машины и на секунду чувствую вину перед мужчиной — зря я предложила вчера именно это заведение. Нет, «Паруса на крыше» — очень красивое и популярное место с шикарным видом на город и неплохими блюдами. Но в последний раз я была здесь с Юрой.

Помню, мы поссорились, и он в качестве примирения потащил меня в этот ресторан, в очередной раз проигнорировав старательно приготовленную домашнюю еду. Было обид-

но, но я смогла отвлечься на панораму города и вкусную треску под соусом голландез. А еще это была наша последняя вылазка «в люди», как муж и жена, потому что через несколько недель Юра мне изменил, и мы развелись.

Наверное, поэтому я вчера ляпнула именно про «Паруса на крыше».

— Ваш столик, — провожает нас до места официант, — Благодарим вас за выбор нашего ресторана. Надеюсь, высокая кухня и прекрасный вид на город оставят неизгладимые впечатления от вечера.

Дежурная фраза с дежурной улыбкой. Я уже слышала эти слова, когда была здесь с Юрой, но с Тахиром все ощущается иначе. С трепетом, с предвкушением.

Я даже с удовольствием закажу еще раз ту треску и обязательно попрошу десерт. А после мы пойдем гулять: выйдем на Невский в сторону Фонтанки. Или, может, повернем в другую сторону — к Неве, но вряд ли я смогу пройти столько пешком на каблуках.

Нет, лучше к Фонтанке. Там не так ветрено, как у большой воды.

Перевожу мечтательный взгляд на Тахира и расплываюсь в новой улыбке. Весна и всплеск гормонов творят со мной что-то чудное, но я хочу взять из этого состояния максимум. А Тахир тем временем игнорирует все происходящее вокруг и смотрит только на меня.

Он всегда так смотрел. И если раньше меня это пугало, то

сегодня я наслаждаюсь взглядом мужчины.

— Кто бы мог подумать, что мы будем вот так сидеть в ресторане в центре Петербурга, — говорю и параллельно кручу головой, с большим энтузиазмом рассматривая интерьер и город за окном.

— Думаешь, в браке со мной было бы по-другому? — вдруг спрашивает Тахир, и я резко перевожу все внимание только на него.

— А как было бы, если бы мы поженились тогда?

Пять лет назад мне казалось, что брак с Тахиром — это пожизненное заточение в стенах его дома без права выбирать свое будущее, ведь так живут многие невестки на Кавказе. Норма, с которой я была не согласна, поэтому безрассудно сбежала с Юрой.

— Я купил квартиру в городе, чтобы мы жили в ней после свадьбы, — признается мужчина, и я на мгновение улавливаю сожаление в его голосе.

Такое сожаление, которое испытывают, когда что-то безвозвратно утратили.

— По традиции мы должны были переехать в дом твоей семьи, — растерянно возражаю, — Вряд ли Адам Догаев отпустил бы своего наследника жить в город.

— Твоя работа и мечты открыть детский центр были для меня важнее, Фатима, — озвучивается второе откровенное признание, вводящее меня в ступор.

Именно в этот момент к нам подходит официант, чтобы

рассказать о меню и принять у нас заказ.

— Мне воду без газа с лимоном и мятой, пожалуйста, — быстро называю ему свой выбор, — И треску с соусом голландез и пюре из брокколи.

— Мне все то же самое, — отвечает после меня Тахир, даже не взглянув на меню и как бы намекая официанту, чтобы оставил нас вдвоем, потому что откровения, кажется, на сегодня не заканчиваются.

В его взгляде горит решимость, а внутри меня все переворачивается в ожидании новых подробностей. Неужели тот неотесанный Тахир Догаев и правда купил квартиру, чтобы я продолжила работать с детьми?

Резко атмосфера между нами меняется. В нос ударяет знакомый древесный парфюм, а следом раздается жесткое:

— Какие люди! — Юра возникает перед нами словно из воздуха, мгновенно разрушая все очарование вечера, — Фатима, ты все-таки воспользовалась моим советом и раздвинула ноги перед своим несостоявшимся мужем?

Глава 20

Знаете такой эффект в фильмах, когда картинка вокруг главного героя замирает, звуки становятся тише, а люди застывают на своих местах?

Кажется, я оказываюсь на месте главного героя какой-то дешевой драмы, когда Юра произносит очередную чушь.

Мне плевать на его слова. Как бы он ни старался, ни одна мышца не дергается от злости или стыда, но Тахир...

Его карие глаза мгновенно чернеют, черты лица заостряются, а тело каменеет от напряжения. Вот-вот начнется драка.

Прямо в зале ресторана, среди свидетелей, под камерами — Юра этого и добивается, поэтому я действую на опережение.

Хватаю Тахира руку и тихо шепчу: «Не надо», выпучив глаза от охватившей меня паники. Сжимаю пальцами его пальцы, а когтями впиваюсь в кожу, чтобы эта боль отрезвила мужчину.

Догаев ни на секунду не расслабляется, он смотрит мне в глаза, что-то быстро обдумывая, и встает. Равняется с Юрой и с усмешкой отвечает за меня:

— Спасибо за совет, Юрец. Фатима им воспользовалась, — следом Тахир протягивает руку и добавляет уже мне, — Пошли. Ужин завершен.

Встаю и на мгновение задерживаю взгляд на новой пассии Юры. Лена — кажется, так ее зовут. Красивая, подтянутая. Знаю, что она ведет блог о фитнесе в социальных сетях, периодически демонстрируя свои формы перед подписчиками, а еще работает тренером в зале, куда ходит мой бывший муж.

Дальше можно не гадать, как они познакомились и начали встречаться.

— В пятницу я приеду за дочерью, — говорю на прощание Юре, с наслаждением отмечая, как он надувается от ярости. Еще чуть-чуть, и лопнет, разлетевшись на куски и испачкав своей желчью красивый зал ресторана.

— Фатима... — летит в спину тихое рычание, но Тахир быстро забирает нашу верхнюю одежду, и мы уходим.

Он тоже взбешен — даже больше, чем Юра, но у нового, повзрослевшего Тахира хватает выдержки и ума молчать. И тем более не вымещать свою злость на мне. Пока Аня у бывшего мужа, нам обоим приходится держать эмоции в узде. Но, честно, я буду не против, если кто-то устроит Юре «темную» после моей победы в суде.

— Извини, что все так вышло, — говорю, пока мы спускаемся, — Я не планировала вас сталкивать.

— Тебе не за что извиняться, Фатима, — Тахир старается говорить спокойно, только вот получается откровенно плохо, — Я не хочу, чтобы ты общалась с Юрой вне суда. Это опасно.

В его голосе отчетливо слышен приказ, но меня это несколько не смущает. Я и не собираюсь общаться с Юрой. Сейчас я хочу другого — эффективно и приятно избавиться от болезненного напряжения в теле.

В лицо ударяет холодный северный ветер, меня тут же сбивает прохожий, и наши с Тахиром руки на какое-то время разрываются.

Эмоции все-таки вырываются наружу, и меня подбрасывает на волне адреналина, когда за нами на улицу выбегает Юра.

Он не любит проигрывать. Я должна была это предвидеть, и Тахир, замечая моего бывшего мужа, теряет остатки самообладания.

— Какая же ты шлюха, Фатима! — произносится первое оскорбление в мою сторону, — Да я об стенку разобьюсь, но ни за что на свете не отдам тебе дочь!

Секунда, меня отодвигают подальше от поля битвы. Вторая секунда, и раздается болезненный стон, потому что жесткий кулак Тахира летит в лицо Юры.

Мужчины начинают драться насмерть, и я понимаю, что их уже ничего не остановит. Ни мои крики, ни угрозы этой дуры Лены вызвать полицию и сдать Тахира. Ни охи и ахи прохожих, которые останавливаются рядом с нами и потихоньку образуют кольцо из зевак.

Кто-то начинает снимать все на телефон, другие пытаются докричаться до Тахира и Юры. Из ресторана выбегает охра-

на и часть официантов.

Тахир молча продолжает наносить удар за ударом, а Юра для эффекта кричит на него, оскорбляя национальность и веру.

— Что ты стоишь? — кидается ко мне Лена, хватая своими накаченными сильными руками за грудки, — Забери своего дикаря, и отвалите уже от нас! Сколько зла ты причиняешь Юре, сколько проблем из-за тебя!

— Проблем?.. — на секунду теряюсь от ее обвинений, — Это я создаю Юре проблемы?!

Ярость Тахира мгновенно передается и мне.

Хватаю Лену за запястья, со всей силы сжимаю и отрываю от себя, отталкивая девушку в сторону. Пассия бывшего мужа летит на землю, но ее ловко подхватывает один из зевак. А Тахира и Юру тем временем разнимает охрана.

Кто-то вызвал полицию...

Синий свет от мигалок машин больно врезается в глаза, люди паникуют из-за появления полицейских, начинается давка, и нас с Леной сначала откидывает дальше от эпицентра драки. Приходится расталкивать прохожих, наступать на ноги и получать локтем в бок в ответ, но я все же добираюсь до Тахира.

Их драка может серьезно повлиять на мои шансы в суде, но я осторожно прижимаюсь к своему защитнику и предельно ясно показываю и ему, и Юре: на чьей я стороне.

— Старший лейтенант Дорохов, — бодро пробирается к

нам первый полицейский, — Драку устраиваете? В чем причина?

— Пришли с невестой в ресторан поужинать, никого не трогали, — начинает Юра, и я понимаю, что сейчас он расскажет очень красивую сказку, а нас с Тахиром увезут в участок.

Никто не будет разбираться, а на следующем заседании адвокат свекров обязательно напомнит про драку, обвинив меня в деструктивном поведении.

— Извините, — шустро влезаю в их беседу, переводя все внимание мужчин на себя, — Это мой бывший муж. Он преследует меня, пытается отобрать дочь, и на ужин в ресторан мы с моим женихом пришли первые. Вы можете проверить это по камерам, как и то, что он, — показываю на Юру, — Подошел к нашему столику, а после, когда мы решили покинуть заведение, чтобы не создавать конфликтную ситуацию, догнал и напал, — тараторю так быстро, что начинаю задыхаться, но Алсу учила нападать первой и не ждать, когда тебя обвинят во всех смертных грехах.

— Что ты... — в шоке произносит Юра, явно не ожидая от меня такого.

Перевожу на него взгляд победителя и всем своим видом показываю, что приняла его правила игры. Кроткую Фатиму давно растоптали, пережевали и выплюнули. Ее больше нет.

— Будете писать заявление? — Дорохов теперь разговаривает только со мной, игнорируя любые телодвижения Юры

за своей спиной.

— Буду, — уверенно киваю и попутно нащупываю в пальто телефон, — Могу позвонить своему адвокату?

— Пожалуйста, — соглашается полицейский, — Давайте пройдем внутрь, посмотрим записи с камер.

— Какие записи?! — верещит Лена, которая только сейчас смогла пролезть через зевак, — Две чурки напали на нас, понаехали из своих аулов, а теперь качают права. Вы документы их проверьте сначала!

Ее слова напоминают незаслуженные пощечины, но радуется в этой мерзкой ситуации одно — Дорохов, который широким шагом направлялся к своей машине, резко разворачивается и смотрит на Лену с такой неприязнью, что зря она открыла рот.

И Юра это тоже понимает.

— Еще одно слово, дамочка, и я заберу вас в участок по двести восемьдесят второй статье, — рывкает мужчина.

А я чувствую, как виска касается горячее громкое дыхание.

— Жениха? — уточняет Тахир, разворачивая меня к себе.

— Я как раз хотела сделать тебе предложение за ужином, — вырывается из меня нервный смешок.

Пора перестать отрицать очевидное. Тахир — идеальный кандидат на роль фиктивного мужа. Но это мы обсудим позже, а пока мне нужно позвонить Алсу.

Глава 21

Полиция забирает записи с камер видеонаблюдения, я пишу заявление, и Юре вручают повестку в участок на завтра.

Все проходит настолько гладко, что мне даже не верится в случившееся. Только слова Алсу, что я все сделала правильно, помогают окончательно поверить в свой успех.

Ресторан тоже перед нами извиняется за инцидент. Нам дарят ужин, а Тахир вызывает такси.

Два не самых приятных часа в моей жизни, и мы в моем номере, потому что я взяла с собой в поездку аптечку, а у Догаева на лице несколько ссадин, которые нужно срочно промыть и обработать.

— Садись на кровать, — распоряжаюсь, когда мы заходим в номер, — Снимай верхнюю одежду, но лицо руками не трогай.

— Слушаюсь, госпожа, — выдает Тахир, посмеиваясь, — Хорошо, что этот урод не задел губы, и я смогу тебя целовать.

— Целовать? — останавливаюсь на полпути, смущенная его игривым тоном.

Не знала, что Тахир умеет вести себя вот так...

Расслабленно, с красивой улыбкой на лице.

— Думаешь, я не знаю, зачем ты затащила меня в свой номер? — продолжает этот шутник, еще сильнее вгоняя в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.